

84 (2700. Каз)

А. 38

АЗРЕТ АКБАЕВ

ЭЛИЯ

СТИХИ

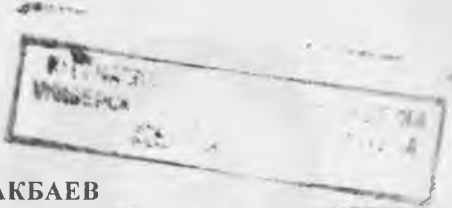
АЗРЕТ АКБАЕВ

ЭЛИЯ

(МОЛНИЯ)

стихи

Барс
Москва 1999

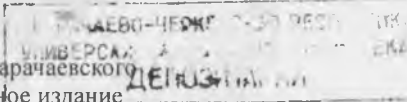

АЗРЕТ АКБАЕВ

Стихи

Перевод с карачаевского

Безгонорарное издание

Автор выражает глубокую благодарность за помощь в издании этой книги

Ивану Петровичу Рыбкину

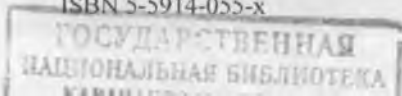
Элия (молния): стихи - Москва, Барс, 1999. - 292с.

Азрет Акбаев-общественный и государственный деятель, академик, опытный политик, ученый, депутат Государственной Думы и заместитель председателя Комитета Государственной Думы по делам национальностей первого созыва, известный российский карачаевский поэт, публицист, журналист, автор многих книг, лауреат ряда литературных премий, заслуженный деятель искусств Российской Федерации.

Книга «Элия» (молния) это о боли родной земли, страданиях людей, раздумья о жизни, о времени, о мире, о любви, о судьбах отцов, матерей и детей. В ней глубокая связь мудрости горцев и древних гор.

ISBN 5-5914-055-x

© Акбаев А. А., 1999

651 69.1

СЛОВО О ПОЭТЕ

Карачаевец Азрет Акбаев один из тех, у кого поэзия стала целью, мечтой и зарей. Завидная способность раскрывать человеческие души, завоевывать сердца — это редкостный дар.

Высокогорный аул Верхняя Теберда, откуда он родом, стал источником его поэзии; колыбелью детства. С этого уголка начинается для Акбаева понятие Родина. По середине аула протекает быстротечная голубая река Теберда. На склонах гор, озаренных лучами солнца, растут, подступая к аулу, вековые сосны, цветут субальпийские луга, зовут к себе людей поющие скалы, прозрачные озера, бурные водопады и бархатно-зеленые леса. Неповторимо величественны горы Домбая, Теберды, Архыза в любое время года.

Сложная судьба у горского поэта Азрета Акбаева. Через два года после его рождения погибли в боях за Родину отец и три брата матери. Позже Азрет лишился и ее. А карачаевский народ вместе с другими некоторыми народами Северного Кавказа пережил трагедию: он в 1944 году был ободган и выслан в Среднюю Азию.

Там вырос и возмужал будущий поэт.

Там Азрету снились милые сердцу Тебердинские дали и Домбай с их белоснежными горами, альпийскими луга-

ми и водопадами, лесами над кручей, родниковыми озерами... Это они и мелодичные песни матери-горянки Сандже согревали душу поэта, излучали свет и любовь к Родине, жизни и людям разных национальностей.

Азрета Акбаева потрясла радостная весть о возвращении карачаевского народа на исконно-исторические, родные места и тогда он начал выводить первые строки. Дыханье времени, открытие мира, отражение действительности, сопричастность к людской боли, умение сопереживать, любовь ко всему истинному, прекрасному — плоть его творчества.

Стихи поэта — это плод долгих глубоких раздумий, пристальный взгляд на жизнь, пронизательное, уважительное отношение к человеку и природе.

Азрет Акбаев, рожденный у подножия поющих скал Тебердинского ущелья, сердцем радуется успехам своего трудолюбивого карачаевского народа. В поэтических сборниках "Родник", "Век", "С Россией говорю", "Свет доброты", "На ладонях дружбы", "Тепло сердца", "Крылатая заря", "Когда глаза теплом горят" и других он воспевает родные места, светлые картины детства, и всегда влюбленными глазами горца смотрит на свой край.

Азрету Акбаеву свойственна художественная афористичность мыслей, точность слова. Стихи поэта — стихи доверительности и душевной открытости.

Мне не раз приходилось бывать на прекрасной родине Азрета Акбаева — в Домбае, Теберде и Архызе, вместе с

ним выступать перед его земляками. Азрета знают его земляки, и любят. Значит он истинный стихотворец своего народа.

От души желаю моему брату по перу Азрету Акбаеву дальнейших творческих успехов.

Расул Гамзатов

февраль 1999 года

Москва

Стихи. Поэмы

БАЛЛАДА О МИНГИ-ТАУ*

Эльбрус неприступен и светел
И весь в небеса устремлен, —
Посланец далеких столетий,
Скрывающий тайну времен.
Эльбрус-аксакал, расскажи мне
О горном народе моем,
О прошлой и нынешней жизни.
Хочу я с тобою вдвоем
Беседовать, гордый и дикий,
Ответь мне, Эльбрус-аксакал,
Ответь, Минги-Тау великий,
Я путь к тебе долго искал.
И мне Минги-Тау ответил,
И дрогнул родимый Кавказ,
И был удивительно светел
Эльбрус в этот миг, в этот час.
«Стою над Кавказом недвижно
Я долгие тысячи лет,
Отсюда я многое вижу,
И тайн для меня уже нет.
Свой возраст забыл я давно,
Столетия — время земное,
Бессильно оно предо мною,
Но миром владеет оно.

Минги-Тау* — (карачевское название Эльбруса) тысячегор, тысячеголовый.

Светлеют закаты, восходы,
Гремит камнепад невзначай...
И древние братья-народы:
Балкария и Карачай,
Черкес, Кабарда — это знаю,
Горам и Кавказу верны,
Мне жизнь и дорога земная,
И судьбы людские видны.
Я видел суровые лица,
Отважные видел сердца,
Я видел, рука нечестивца
Стрелой поразила певца.
И песни Кавказа смолкали,
И сакли горели в огне,
И люди дорогу искали
В кромешной и тягостной мгле.
Закаты алели, как раны,
Белели на гребнях снега,
Еще ваши предки — аланы
Мечом отбивали врага.
Я видел: горели аулы,
Текли водопады из слез,
И ветер, наполненный гулом,
Промчался. И стоны унес...
Немало воды утекло
По быстрым ручьям под горою,
Немало бесстрашных героев
За гордый Кавказ полегло.
Я помню: повозки вдали... —

Народов переселенье,
Холодной порою осенней
Они по дорогам брели.
Журчали ручьи торопливо,
И слезы стекали в ручьи.
И я созерцал молчаливо,
Как горбились горцы мои.
И снова года подо мной
Скользили в туман невозвратно,
И люди вернулись обратно,
В аулы родные домой...
Недаром в горах говорят:
Как горы всегда нерушимы,
Так горец-джигит и гора
Вовеки неразделимы,
И что у горы и у горца
Единая в жизни душа.
Стою я, ветрами дыша,
Задумчиво, вечно и гордо.
Пусть будет в горах тишина,
Я славлю земное цветенье!
Зачем же людское смятенье,
Людская беда и война?
Орел в бесконечность зовет,
И пусть
        люди жизнь свою множат,
И пусть
        у моих у подножий
Аул бесконечно живет.

ЖИВУ ОДНОЙ МЕЧТОЙ

Я начинаю каждый новый день
С одной мечтой.
Она неодолима:
Пусть не будет на земле нигде
Войны —
Ни над горами, ни в долинах.
Пусть снизойдет на землю
Вечный мир.
И голуби над каждым домом кружат.
Пусть навсегда исчезнет
Меж людьми
Потребность объяснять свой взгляд
оружьем.
Пусть звери
Щиплют траву в тишине,
Никто из нас их не возьмет
на мушку,
В любой земле,
О человек, в любой стране
Мы не должны предаваться
равнодушью.

В борьбе за мир
Ты славы не ищи.
Тогда лишь для тебя наступит
счастье,

Когда перед бедой
Поставят щит
И в этом будет и твоё
участие.

ЕСТЬ СЛОВО ДОБРОЕ — САЛАМ

Есть слово доброе — салам.
Его несем мы с колыбели.
Оно нас будит по утрам,
Как песня ветра и капли.

Как много света и тепла
Вместилось в кратком слове этом!
В нем щедрость горского стола,
Приветность гор в лучах рассвета.

Мы гостя с дальней стороны
Одариваем им как брата.
Давно в ущелье Теберды
Мне дед шепнул его когда-то.

Оно и мудрость, и привет;
Его твердят отцы и дети.
Оно в себе вобрало свет
Ушедших вдаль тысячелетий.

Едва лишь зорька по горам
Протянет первый луч из сини
Я говорю тебе:

— Салам,

Моя судьба,
Моя Россия!

Он бросил
в сталинградской
круговерти
На дерево
единственный взор.
Наперекор и ранам и ожогам,
Необъяснимым чудом спасено
Нам дерево
поведало б о многом,
Когда б язык имело бы оно...
Мы из его правдивого
рассказа
Узнать смогли бы
тысячи имен
Героев и России, и Кавказа,
И всех других
отеческих сторон.
И в городе
над Волгою-рекою
Под небесами,
ясными от гроз,
К прославленному дереву
щекою
Я прижимаюсь,
не скрывая слез...
И слышу щебет птичий
над собою,
И вижу волн
распахнутую даль,
И поклоняюсь
памятному бою,
И потому горда
моя печаль.

Я ТОЖЕ — РОССИИ ЧАСТИЦА...

Тебя я с детства
В памяти несу:
Твои леса
И синие просторы,
И радугу,
И чистую росу,
И солнцем ослепляющие
Горы.

Задумчива листва
Твоих берез,
Торжественно
Безоблачное небо.
И слышу: на земле,
Где я подрос,
Звенят колосья,
Наливаясь хлебом.

Глядятся рощи
В мокрые луга.
Картина эта
Сердцу дорога.
И хочется
В минуты эти мне
С Россией
Говорить наедине...

Мой Карачай
И горный мой народ,
Воспрянув, зашагал
Навстречу свету.
Достиг и он
Заоблачных высот,
И велика
Твоя заслуга в этом.

Мы тянем руки
К общему костру,
И ты способна
Обогреть любого.
Мы чтим тебя,
Как старшую сестру,
И за тобой
Идти всегда готовы.

III

Россия!
На земле обширной ты
Воздвигла дом —
Величественный, новый.
И люди в доме
Искренни, чисты,
Их добродушье —
Для него основа.

Наш дом хранит
Законы тишины.
Но не смолкает
Звонкий смех детишек.
Дать свет и радость
Людям всей страны —
Нет цели благороднее
И выше.

В величье камня,
В пении ручья,
В полете птиц,
В улыбках незнакомых
Тебя, моя Россия,
Вижу я;
Поклон земной
Несу родному дому.

И славлю жизнь
Счастливых земляков,
Для нас Россия —
Гордость и отрада.
Я знаю:
Люди всех материков
К ней тянутся.
Как к солнечному саду.

IV

Я — сын Кавказа —
В сердце берегу
Священного свиданья
Минуты.

Москва-река.
Леса на берегу.
И я стою,
Взволнован тихим утром.

Посланец Карачая,
Я смотрю
В твои глаза,
Бессмертные вовеки.
Здесь зори все
Слились в одну зарю,
И воды все
В одну сплотились реку.

И я вдыхаю сладко,
Чуть дыша,
Берез настой
На розовом рассвете.
Твоя большая,
Добрая душа
Ко мне в минуты
Прикоснулась эти...

Чтобы потом,
Куда ни скажешь ты,
С собою нес
По белому по свету
Твои неповторимые черты,
Твои незаменимые приметы.

Иду ли я
По тропке среди гор
Или шагаю
По лугам росистым —
Я остаюсь тобой,
Россия, горд,
Храню в душе
Твой этот образ чистый.

И вижу,
Как возводят города
Строители в своих
Зеленых робах.
Но все-таки
Меня влечет сюда —
К земле аланов,
Наших предков гордых.

Готов я поклониться
За труды
Им — животворцам,
Мужественным, сильным.
Я — горца сын
Из древней Теберды —
Пожизненно влюблен
В тебя, Россия.

Почтенный аксакал,
Седой Адей
Учил юнцов:
“Не обижайте землю.

Она поит
И кормит, нас, людей,
И в ней душа
Обидчивая дремлет.

Безумство — даже прутиком,
Сынок,
Кормилицу народную
Ударить...”
Но любопытство
Я сдержать не мог, —
Я был тогда
В воинственном угаре.

Мальчишкой землю
Я побил кнутом.
И с той поры
Сжигает что-то душу.
Я землю насмерть
Защищать готов
От всех,
Кто не щадит ее и рушит.

VI

Россия...
Шесть неповторимых букв
Сияют звездно
В этом добром слове.
Но кто с тобою
Ни вступал в борьбе,
Тот, впоследствии
Оказался сломлен.

Все потому,
Что мы живем тобой,
И ты живешь в нас.
В каждом сердца стуче.
Нас согревают
В стороне любой
Твои большие
Солнечные руки.

И вновь поют
Твои колокола
О доблести,
О радости Победы.
И мы идем
На мирные дела,
Как в бой ходили
И отцы, и деды.

...Я был грудным.
Когда вошла война,
От взрывов молний
Прижимался к маме.
И горестно шептала
Мне она:
“Расти, сынок.
Не твой сейчас экзамен...”

УИ

Я говорю с тобой
Наедине,
Моя святая родина —
Россия.

Кремлевскою звездой
Ты светишь мне
И принимаешь
Как родного сына.

По-матерински
Ласкова, щедра,
Душой вольнолюбива,
Необъятна,
Мне хорошо
У твоего костра,
Любое слово братьев
Мне понятно.

Рожденный у Эльбруса,
Я люблю
Березовые ливни
Над тобою.
И, находясь в разлуке,
Я молю
О том, чтоб вновь
Увидеться с Москвою.

С высоких гор
Грядущее видней,
И не могу к нему я
Не стремиться,

Счастливым тем,
Что на земле людей
Я тоже —
Этой Родины частица.

СОСЕД

Как и судьба,
Сосед незаменим,
Печалится он рядом
И смеется.
Дышать тебе
С ним воздухом одним,
И воду пить
Из одного колодца.

И вот с крыльца
Он сходит не спеша,
И с уст летит
Приветственное слово,
И мигом наполняется душа
Признательности
Влагой родниковой.

Где б ни был ты,
С тобою он везде,
Пусть хлещет дождь
Или зима метелит
Он раньше всех
Узнает о беде,
Быстрее всех
И радость он разделит.

“Ведь о тебе, —
Пословица гласит, —
На свете том
Узнают от соседа”.
И если ярко
Твой очаг горит
И вечно радость
У тебя гостит,
То и его благодари
За это.

ТЕПЛО ЖЕНСКИХ ГЛАЗ

В чудотворной Домбайской долине
Я увидел тебя в первый раз.
Из-под кромки ресниц твоих длинных
Мне затеплились звездочки глаз.

И в тот час полюбил я навеки
Этих глаз голубые лучи.
В них клубятся Кавказские реки
И на солнце синеют ручьи.

О Домбай, если б не было встречи
Не познал бы я счастья любить.
Я постиг журавлиные речи.
И ручья серебристая нить

Мне поёт на понятном и чистом
Языке, что теперь я постиг,
О приветливом взгляде, лучистом,
О свиданьи в негаданный миг.

И строкам бы моим не родиться
Если б вовсе не встретились мы,
Как осеннему дню не рядиться
В золотое сиянье весны.

ВЕЧНОЕ ЭХО

(Следы отца...)

Пусть не забыли павшего живые,
Но мне печали не избыть вовек.
Сегодня я как будто бы впервые
Пришел к отцу.
К тебе пришел, Азгек.

От мудрых старцев слышал я нередко —
И верить в это стал в конце концов:
Хранит ущелье голос наших предков,
Сам горный воздух —
Это дух отцов.

Иду тропой отцовской
Светлым маем,
Веду с отцом безмолвный разговор.
Прости, но я тебя
Почти не знаю;
Прошла эпоха с довоенных пор.
Ты был джигитом, я — еще мальчонкой.
Что мог запомнить сорванец-малец?..
Навстречу солнцу,
Словно в детстве, звонко
С отвесной кручи я кричу:
Оте-е-ец!

Ущелье грижды отражает эхо.
Но, как непробудившийся от сна,
Еще надеюсь, что не эхо это,
А встречный голос моего отца.

Он слышит сына, сыну отвечает;
Он — в сыне.
Даже в голосе его.

Иду тропой отцовской
Светлым маем,
Один как прежде. Больше никого.

Что видел он, то я сегодня вижу.
Пройдут тысячелетия еще —
Азгек всегда останется таким же:
Трав горных шелк
Да соловьиный шелк.

И вдруг — покой. Отточенные шнили
Да сосен вековое забытье,
Да за отарой шлейф белесой пыли...
И снова сердце екает мое.

И новый пласт воспоминаний поднят,
И снова — детство,
И опять — отец.
Он к водопою в жаркий полдень гонит.
Отару пыльных блеющих овец.

Росистым утром взявшись за работу,
Он, не жалея сил,
Траву косил.
Потом стирал с лица росинки пота,
Кричал:
Эгей, сынок, воды неси!
Кувшин, как чашка, был в руке могучей.
Родник понл джигита за труды.
Вон он журчит,
Тот родничок под кручей.
О, сколько утекло с тех пор воды!

Который год я, устали не зная,
Несу Азгека дикую красу.
Твои преданья, сторона родная,
Сады и горы в сердце я несу.

Немало было у меня ошибок,
Но всем своим противникам назло
Я никогда не хныкал от ушибов,
Вставал
И вновь взбирался на седло.

Отец одно сказал бы:
— Ты — мужчина, —
И хлопнул бы меня он по плечу.
Сняк для причитаний — не причина.
Оге-е-ец! —
Уже с равнины я кричу.
И жду...

Но слово тоекратным эхом
Отпрянуло в ответ от белых скал.
Какой-то дед на лошади подъехал:
Салам алейкум...
Здравствуйте, акка...

Поводья бросив и коня оставив,
Объятия раскрывает старый дед:
Не может быть... Да это же Акбаев,
Алий Акбаев... Дорогой сосед...
Полшага до объявления ослалось;
Седой старик застыл на полпути.
Прости, сынок. Всему виною старость.
Я обознался. Не Акбаев ты.
Акбаев я, акка, Азрет Акбаев,
Алия сын. Ты видно, знал его?

Старик приник к груди моей, рыдая:
— Алий, Азрет... — и больше ничего.

Иду тропой отцовской
Светлым маем.
За перевалом — новый перевал.
Иду отца и деда вспоминая,
Который об отце моем сказал:
Алий джигит был
Смелый и толковый,
Каких я мало видел на веку.
Он мог шутя поднять с земли подкову
На всем скаку.

Как всякий богатырь,
Не хвастал силой,
Любил гостей и не жалел вина.
Здоровье на сто лет
Ему б хватило,
Когда бы не война.

Сверкал Эльбрус в тот день
Алмазной гранью,
Как отблеск отдаленного огня.
И гордый горец, подавив рыданье,
Седлал коня.
Не смог отец со смертью разминуться,
Геройски пал в атаке штыковой.
Он слово дал
Живым домой вернуться,
Да не сдержал его.

Во имя мира пал на поле боя —
И навсегда остался на войне.
Приходит он ко мне
Порой ночью
Во сне.

Мы говорим по горски неторопко
И разговор не кончим свой никак.
Отец уходит утром
Горной тропкой
И исчезает в дальних облаках.

Пойти за ним,
Узнать бы, где могила,
Дыханьем согреть
Хотя б чуть-чуть ...
Но почему-то двинуться
Не в силах.
— Оте-е-ец! —
Ему вдогонку я кричу.

Ущелье трижды отражает эхо.
И я, не пробудившись ото сна,
Еще надеюсь, что не эхо это,
А встречный голос моего отца.

Он слышит сына, сыну отвечает;
Он — в сыне,
Даже в голосе его.

Иду тропой отцовской
Светлым маем.
Один как прежде.
Больше никого.

В душе моей вмещаются, как в море,
И синь небес, и грохот бурных рек.
Я слышу голос нашего предгорья, —
Отцовский голос ты хранишь, Азгек.

МОЙ МИЛЫЙ КРАЙ

Край мой родной — Тебердинские дали,
Троны, взлетевшие под небесами
Где бы я ни был: «Вернись!»

меня звали

Неодолимой любви голоса.

Помню, как тучи клубились угрюмо,
Худо мне было,

но в эти года

Спасенье дарила мне светлая дума,
Что ты не забыла меня Теберда.

И родников доносились мне звуки,
Как карачаевской песни слова.
И Тебердинское облако в руки
Брал я

и кругом неслась голова.

Снова живу среди гор соплеменных,
Речи родимой и милых мне лиц.
Клекот потоков звучит белопенных,
Как продолжение клекота птиц.

Рад поздороваться с девушкой встречной,
К другу войти, как в родное жилие,
Мчится за солнцем мальчишка беспечный.
Кажется детство я вижу свое.

Радость моя и невольные слезы,
Зимние вьюги и вешние грозы.
В срок свой уходим мы в царство теней,
Время всеильно, но память сильней.

Свиснув, с вершины срывается ветер,
Ведут чабаны у костра разговор.
В какой бы дали свою смерть я не встретил,
Меня погребите среди моих гор.

БАЛЛАДА О ГОРСКОМ КОНЕ

Конь — это крылья мужчины.
Так говорит мой народ.
Вижу туман и лощину,
Конь мой стремится вперед.
Бурка была моим домом,
Другом надежным — мой конь.
Вижу, в ущелье знакомом
Вспыхнул тревожный огонь.
Вижу, как хвойные ветки
С треском сгорают в огне...
Это далекие предки
Вновь оживают во мне.
Сердце безудержно бьется.
В жилах вскипает огонь,
Вижу — не скачет, — несется
Мой карачаевский конь.
Были года — через горы
Вдруг пробивались ключи,
Были года, — что от горя
Горы стонали в ночи.

Пусть были судьбы капризны...
Древний обычай храня.
Горцы мои больше жизни
Оберегали коня.
Лошадь сильна скаковая,
Скалы пройдет и снега
Древняя и родовая
Ставится метка — тамга.
Справа на заднюю ляжку
Ставится метка коню.
Бродит табун по овражку,
Трижды ускачет на дню,
Всем было ясно в округе,
Другу и даже врагу —
Чья это лошадь на луге,
Кто эту ставил тамгу.
Вскачь унеслись верховые,
Кони, как прежде, легки;
Древние и родовые
Помнят в народе тамги:
Адурхаевцев
и Нарузовцев.
Будияновцев.

Конь, он вынослив в дороге,
Ловок на узкой тропе,

Да и под снегом глубоким
Корм раздобудет себе.
Конь, он горами испытан,
Верный, надежный, лихой,
Лед пробивает копытом,
Снег разгребает ногой.
Вот и на къяудане.*
В трудный заснеженный год
Только вослед за конями
Можно пасти было скот.
Конь, он на пастбище пущен,
Там он и ночью и днем,
Если, конечно, табунщик
Истинно дружит с конем.
Конь, он и чуткий, и зоркий,
Много загадок в коне,
Лишь перед утренней зорькой
Малость поспит в табуне.
Встанет спиною к восходу,
Солнышко всходит над ним,
Ночью и днем, в непогоду,
Конь мой — неугомим.

---

* Къяудан (*карачевск.*) — прошлогодняя нескошенная трава.

Конь, вороной и гривастый,
Верный, испытанный друг,
Он отвечает на ласку
И теплоту наших рук.
Конь на призыв отзовется,
Душу джигита поймет,
В сердце моем отдается
Быстрый и легкий намет.
Будто подслушает мысли
Чуткое сердце коня,
Он неожиданно быстро,
Нежно утешит меня.
Ткнется задумчивой мордой,
Скосит глаза вороной,
Он — и покорный, и гордый —
Горечь разделит со мной.
С древних времен и поныне
Мчит, закусив удила,
Всадника он не покинет,
Выбитого из седла.
Ляжет, подвинувши стремя,
Не растрясет на скаку...
Конь, он в тревожное время
Будет всегда начеку.

Стукнув копытом тяжелым,
Волка во мгле сокрушит.
Ночью, учуяв чужого,
Конь к очагу поспешат.
Вижу над речкою бурной
Невдалеке от меня,
В белой папахе и бурке,
Горец седлает коня,
И по горам — загудели
Звонкие звуки копыт,
Скачет для мирного дела
В белой папахе джигит.
...Конь мой отчаянный горский,
Мчи сквозь туманы и дым,
Конь, богатырь мой отцовский,
Мчи по дорогам крутым,
Сквозь водопады и скалы.
Сквозь камнепад и огонь,
Он не бывает усталым,
Мой карачаевский конь.
Ветром высот опаленный
В солнце,
                  в луну,
                          в высоту,

В сердце людское влюбленный
Скачет у гор на виду.
Конь мой стремится к вершинам,
Длинною гривой трясет,
Конь мой, гонец одержимый,
Добрые вести несет.

СОРОК ДУШ

Однажды встарь какой-то муж,
Как будто в ход пустив кресало,
Сказал:

“У бабы сорок Душ!” —
И поговоркой это стало.

В горах в отличьи от шахинь,
В стенах жилых неизобильных
Рождалось множество рабынь
И бессловесных и двухжилых.

Закона норов превозмочь
Не смела верная адату:
Отцу не прекословит дочь,
Сестра — не прекословит брата.

И по селеньям, и к тому ж
Гуляла с пущею охотой
Молва:

“У бабы сорок Душ,
С любою справится работой”.

Жена, невеста иль вдова
Под небом отчего аула
Тащила из лесу дрова,
В хлеву и в поле спину гнула.

Вставала раньше всех она
И позже всех глаза смежала,
Не покладала рук до сна
И люльку по ночам качала.

Оставь, перо мое, оставь
Писать, как раньше жили жёны,
Теперь в горах другая явь,
Другие действуют законы.

В почете женщины к тому ж,
Но почему ж в краю высоком
Порой:

«У бабы сорок Душ!» —
Бросает горец ненароком?

— Поменьше задавайте нам
вопросов.

Живей! —
солдат скомандовать решил,

Но лейтенант
прервал его тираду:

— Не видишь,
пред тобою малыши.

Ты помолчи...,
детей пугать не надо.

***

Наш дом,
что у подножия горы,

Осиротел
и смотрит вслед щелями.

А вместе с ним
соседние дворы,

Поникнув в горе,
расстаются с нами.

И старое
отцовское крыльцо,

И крыша дома
с мшистой черепицей,

Сарай
с забытой горною овцой.

Корова. Конь...

Нам не пришлось проститься.

Рвалась собака
яростно с цепей.

...Как медленно
мы ехали тогда,
А многие отправились
на насыпь.
Людей косили голод и беда
Без почестей их хоронили наспех.
В пустынях южных
воздух зноем сжат,
Здесь по ночам
ведут концерт шакалы.
И кости карачаевцев
лежат,
Придерживая рельсы,
будто шпалы.

***

Мы не забудем
этих черных дней.
В глазах стоят
расстрелянные зори.
Но грусть бывает
краткой у детей.
Мы выжили.
И в жизнь включились вскоре.
Расти мы торопились.
Возмужав,
Спешили одолеть
любые беды.

Любого гостя
задушевно встретим.
Пускай рассвет
был молнией разбит,
Прекрасен день!
И мы довольны этим.

ПО РУССКОМУ ПОЛЮ ШАГАЮ...

По русскому полю шагаю
Я горец,
                  как будто впервые,
И радуга в каждой росинке
Мне видится вновь на заре.

И слышится ласточек щебет
И нивы приветливый шелест,
В которую солнце под осень
Свой лик золотой перельет.

Льнет речка к ногам безмятежно,
И в ней на зеркальной волне я,
В отличие от речек кавказских,
Свое отражение вижу.

Звенит колокольчик лиловый,
И светлой печали исполнен
Пленительный звон его в поле
Под колокольной небес.

И вот и калина, чьи гроздья
Еще заалеют, как лалы.
И выдыхаю неволью:
Здравствуй, Василий Шукшин!

Вдоль поля иду по дороге,
А на дорогу березы
Вышли, в зеленом убранстве,
Белые пряча тела.

В прошлый приезд здесь
вот так же

Шел я. И вижу навстречу
На расписном коромысле
Девушка ведра несет.

В ведрах округлое солнце,
В ведрах округлое небо
Вместе с округой водою
Светятся, дивно искрясь.

И поздороваться рад бы
С девушкой я.

И сказал бы:

Благодарю, что навстречу
Полные ведра несешь.

Она улыбнулась:

— по виду

С Кавказа, джигит, ты приехал,
И я поняла, что примета,
Обмолвился ты о которой,
Одна и у вас, и у нас.

А как твое имя? — Маруся.
И щеки покрылись румянцем.
— У нас нынче свадьба, кавказец.
Вон видишь — дом третий от края

Дороги, что тянется в город,
Ты честь окажи нам: будь гостем!
Приду непременно, Маруся,
А кто же невеста?

— Да я!...

***

Шел месяц осенний.

На свадьбу

Явилось, считай, все селенье.

Из города прибыли гоже

Сородичи юной четы.

Все в праздничных были одеждах,

И не отличались нисколько

От деревенских нарядов

Наряды гостей городских.

О музыке русской напевы,

Веселые песни, частушки,

И попережку страданья,

Что протяженье годов.

Вся в белом наряде невеста,

Как будто бы майская вишня.

И парни глядят холостые

С завистью на жениха.

Сдвинуло чарки застолье:

— За молодых!

И раздался

Возглас, что эху подобен:

«Мир да совет!»

И, ликуя,

«Горько» вдруг грянули гости,

“Горько!» звучало вокруг.

Жених и невеста на людях

Обнявшись, слились в поцелуе.

“Горько!” —

и слева, и справа

Не унимался народ.

Тысячелетний обычай

Свадебных пиршеств России.

А на карачаевских свадьбах

Вольности нету такой.

Тут мой сосед поседевший

При орденах и медалях

Ястребом грянул на бабку

И, приосанясь, сказал:

Помнишь, войны накануне

Нашу мы свадьбу справляли.

Хоть победнее, чем эта

Свадьба была, но зато

Как на ней лихо плясали,

И не сочтешь, сколько песен

Было душе соприродных

Спето во славу любви!

Ударили гулко куранты
По ним, как повсюду в державе,
Давно и в горах Карачая
Сверяют все горцы часы.

Торжественно с Мавзолея
Сменились бойцы молодые.
На Красную площадь вхожу я:
Привет тебе, Мекка моя!

***

Немало познал ты печали,
Народ мой кавказского рода.
Лжецы и шайтаны наветов
Тебя очернили в войну.

Но к золоту грязь не пристанет,
И правда восстанет из непла.
А в это мы верили твердо,
Как в неколебимость вершин.

Нам виделась Красная площадь
И Ленина слышалось имя.
И в нашей печали Россию
Никто не винил никогда.

И разноплеменных народов
Сливаются чувства и мысли
В Москве.
И в моем Карачае,
И в нашем Черкесске родном.

На главных часах государства
Пари, судьбоносное время.
И чаяньям нашим сердечным
Не измени ни на миг.

И с молодыми бойцами
В почетном стоит карауле
Мой стих, что дышит любовью
К великому братству людей.

СЫБЫЗГЫ

Вдруг весенний день увял,
Не видать ни зги.
С дрожью старый горец взял
В руки сыбызгы.*
И рассыпал соловей
Золотой горох,
Жемчуг сыплется с ветвей
И чертополох.
Вспомнит горец про войну —
Сыбызгы всплакнет,
Чью-то горечь и вину
На себя возьмет.
Сыбызгы умеет звать
Тех, кто далеко,
И рыдает, словно мать
Над своим сынком.
Сыбызгы из мглы веков
Вызволит порой
Думы древних стариков...
Пахарь и герой.
Сыбызгы поведал боль
Думы и дела.
Потому и нам с тобой
Сыбызгы мила.

---

* Сыбызгы — дудка. (с карачаевского)

У СОЛНЦА НЕТ ИНОЙ ЗАБОТЫ

У солнца нет иной заботы,
Как греть, светить...
Но разве это мало, бог ты, —
Греть и светить?!

Тепло и свет земле, как воздух,
Нужны всегда.
Ромашка издает вдруг возглас:
«Скорей сюда!»

Она прекрасна в своей силе
И простоте.
А все от солнца. Луг красивей,
Моря — и те.

Ручьи горят, блестят огроги
Далеких скал.
С такими красками дороги
Я век искал.

Нежны поля иод солнцем ярким,
И степь поет...
Кто солнце лучшим из подарков
Не назовет?

Любовь под стать теплу и свету.
Вдруг по весне
Она совсем иной планету
Открыла мне.

Она открыла тайны сердца
Передо мной.
Любовь и солнце по соседству
Живут со мной.

МНЕ ПРИСНИЛОСЬ СТО ТРЕВОГ

В ночь, когда хурма цвела,
Холодом подуло.
Снилось: ты навстречу шла
Улицей аула.

Черноока и бела,
И неповторима,
Шла навстречу, да прошла
Почему-то мимо.

Здесь узка, как коридор,
Улочка аула.
Что ж, холодный бросив взор,
Лик свой отвернула?

Но со мной не говорит
Гордая отрада.
Вдруг раздался стук копыт
Громче камнепада.

Гром над крышами гремит,
Молния блеснула.
Вижу, всадник к нам летит
Улицей аула.

Всадник видный из себя,
С гордой статью турка.
На скаку схватил тебя
И закутал в бурку.

Пуля вора не взяла
На краю аула,
Что же ты с его седла
Мне платком взмахнула?

Да, обычай наш не нов,
Как слеза от дыма.
...Но проснулся я от слов —
Слов своей любимой:

— Мне приснилось сто тревог;
Испугалась даже.
Только ты любовь сберег
От несчастной кражи...

Мир прекрасен был и нов,
Зрел рассвет, как сдоба.
Совпаденью глухих снов
Рассмеялись оба.

Буду это утро пить,
Снова жить надеждой.
Хорошо любовь дарить,
А не красть, как прежде.

ГОРЯНКЕ

Как горный рассвет весной,
Уста твои свежи.
Цветком долины какой
Назвать тебя, скажи?

Кто видел тебя хоть раз —
Позабудет покой.
Как щедро тебя Кавказ
Одарил красотой.

Как первый подснежник ты
И нежна, и скромна.
Прекрасны твои мечты,
И душа ясна.

Улыбка твоя светлей
Солнца и луны.
Джигиты округи всей
В тебя влюблены.

И солнечный наш Домбай,
В Эльбрус седой
Твоей горды красотой,
Дочь земли родной.

КУДА СПЕШИТЕ, ГОРНЫЕ ПОТОКИ?

— Куда спешите, горные потоки?

— Друг к другу.

Мы ведь тоже одиноки!

Но, слившись,

Мы становимся рекой

И возвращаем водам их покой.

Завещанный природою от века.

Издревне все в нас, как у человека.

— Мы тоже как ручьи

(скажи на милость!)

Спешили слиться,

да не получилось.

...Жила в ауле девушка одна.

В меня была, гордячка, влюблена.

Со мною,

душу породнив и тело,

Одной дорогою спешить хотела,

Жить и бедой и радостью одной

Со мной!

Соединились реки вольным гулом,

И песни птиц и улицы аула.

Но вдруг

как будто холодом подуло.

РЕКА ЖИЗНИ

(поэма)

1

Я лежал тогда в колыбели
На ладонях синего неба,
Руки мамы, ласковой мамы
Колыбельку мою качали.
Во дворе у нашего дома
Собрались друзья и родные,
Танцевали они и пели,
Веселились и пили горцы,
Прославляли мое рождение,
И отца моего, и маму
Ото всей души поздравляли.
Я лежал тогда в колыбели
На ладонях синего неба,
И мои Кавказские горы
И торжественно, и безмолвно
В сыновья меня посвящали,
Принимали в горное братство.
Говорят, что тогда я плакал,
Слезы лил на шумном веселье...
Может быть, это были слезы
Благодарности или счастья?..
Разве я их могу стыдиться,
Этих слез, младенчески чистых.

Да, я плакал, от счастья плакал,
Что пришел в этот мир бессмертный
В Карачае моем орлином,
Что лежал в своей колыбели
На ладонях синего неба,
Под святым моим Минги-Тау.

2

Вырастал я в горном ауле,
Там, где беркуты над ущельем,
Там где туры на узких тропах,
Где с высоких снегов Эльбруса
В мир рассветный стекает солнце.
Как-то раз посреди аула
Я случайно встретил седого
И почтенного аксакала.
И в глаза мои зорко глядя,
Он спросил меня: “Чей ты, мальчик?
Мне твое лицо так знакомо?..”
Ты постой-ка, мальчик, ответь мне,
Ты не внук ли, не внук Якуба?”
Я стоял, я смутился очень,
Только молча в ответ кивнул я...
И седой аксакал почтенный
Улыбнулся доброй улыбкой
И своею большой ладонью
Мягко волосы мне погладил.
Он сказал мне:
“Расти джигитом,
Будь достойным отца и дела.

Стань, сынок, чабаном бесстрашным,
Чтобы тобою аул гордился..."
Я смотрел в глаза аксакала,
И слова старика седого
Глубоко мне запали в душу
И отвагой зажгли мне сердце.
И опять я в те дни, как прежде,
Вспоминал любимого деда,
Вспоминал я деда Якуба...
На сверкающие вершины,
И мне виделась лица, лица...
Чабаны на крутых тропинках,
На лихих конях, в черных бурках,
Чабаны, что орлов быстрее
И обветреннее, чем скалы,
И выносливее, чем волки.
Как хотелось надеть мне бурку,
Подрасти и умчаться в горы...
И с мальчишками мы играли,
И скакали верхом на палках,
Чабанам лихим подражая,
И над нами кружилось небо.

3

Голубая радуга детства...
Как хочу рассказать сегодня
Обо всем, обо всем что было,
О далеком и незабытом,
Рассказать и земле, и детям
Рассказать и горам, и небу.

Рассказать тишине подлунной
Обо всем, что тревожит душу,
Берedit мое сердце горца.
...Помню спал я в родимой сакле
Спал набегавшийся, усталый,
И приснился мне черной ночью
Сон тяжелый, невыносимый.
Видел я в этом сне тревожном,
Как качались горные пики,
Как по черному небосводу
Бесновались молнии-стрелы,
И с горы понеслась лавина,
И сметала она деревья,
И с предсмертным протяжным криком
Со скалы сорвался в ущелье
Новорожденный жеребенок.
И страшила людей стихия...
Я очнулся. Увидел маму.
И внезапно — крупные слезы
У нее на глазах увидел.
Помню как я бросился к маме,
Как я обнял ее за шею.
И она меня обнимала
И пыталась скрыть свои слезы,
И подолгу в окно смотрела.
А за окнами, в небе синем
Тяжелели, сгущались тучи,
Наплывая махиной черной.
И края их от света солнца
Полыхали огнем пожара.
И увидев слезы у мамы,
И увидев мрачное небо,

Я почувствовал, сразу понял,
Что беда подошла к порогу.
Но не знал я тогда конечно,
Разве мог я понять, осмыслить,
Что война пришла в мои горы,
Что внезапно, бесповоротно
У меня отбирают детство,
И очаг уже угасает,
Угасает в сакле родимой.

4

Просыпаясь, я видел солнце,
Над аулом оно сияло,
Заливая улицу детства
Ослепляющим светом жизни.
Только лица людей аула
Попадающихся навстречу,
Были сумрачны и угрюмы,
И задумчивы и тревожны.
И пронесся шум над ущельем,
И промчался гул над горами.
Град ударил по древним соснам,
Черный ветер завыл, забился
Между склонами гор кавказских.
И орлу в такую погоду
Не взлететь из гнезда родного.
И на склонах завывали волки,
И в долине блеяли овцы,
И неслоь над горами эхо,
Злое эхо волчьего воя.

И тогда посреди аула,
На моей, на улице детства,
С криком женщина появилась,
Молодая женщина в черном
Спотыкаясь, она бежала,
Исходила тяжелым криком:
“Мой единственный брат любимый,
Он погиб на войне проклятой...
Помогите, добрые люди,
Моему помогите горю...”
Исходила тяжелым криком
Молодая женщина в черном.

5

Шла война, жестокая битва
И земля обливалась кровью.
Наши воины из аула,
Наши горцы — отцы и деды
Где-то в дальних краях сражались
За свободу земли родимой.
А в горах гроза грохотала,
И бесчинствовали фашисты...
Я фашистов навек запомнил:
Ворвались они в нашу саклю,
Трое наглых и здоровенных,
Автоматы на шеях бычьих.
И мои задрожали руки,
И ресницы мои, и пальцы
В то мгновение отяжелели,

И от ненависти и страха
Налились и набухли болью.
И враги со стены сорвали
Фотографию дорогию,
Дорогой мне портрет солдата
Стали немцы топтать ногами.
И топтали, и бормотали
Непонятные мне проклятья
На своем языке картавом,
Искажая от злобы лица.
Взгляд отца моего с портрета,
И уверенный, и спокойный,
Показался им слишком грозным
И привел врагов в исступленье.
Я смотрел на это злодейство,
И в глазах моих кровь и слезы
С горькой ненавистью смешались.
Я оглох от ударов сердца,
Я прозрел от великой боли.
И я крикнул им: “Эй, шакалы,
Вы не смейте топтать, не смейте!”
И я бросился на фашистов
Я спасал от врагов священный
Лик отца моего родного.
И внезапно замерли немцы,
Глядя бешеными глазами
На меня лишь одно мгновенье...
А потом... Словно гром ударил...
Степы, люди, дома, деревья
Все поплыло перед глазами,
Закачалось и наклонилось,
Покатилось во мглу густую.

Я лежал, оглушен ударом,
Я стопал, в беспамятстве корчась.
Заливая мою рубаху,
Изо рта моего стекала
Очень тонкая струйка крови...
Как голодный дракон стоголавый
Пожирали все оккупанты,
У людей отбирали пищу,
У детей кусок вырывали.
Торопились, боясь расплаты,
И телят, и овец, баранов
Всюду резали торопливо,
И дворы истекали кровью...
Если кто из почтенных горцев
Вдруг вставал на пути бандитов,
В тот же миг германская пуля
Пробивала гордое сердце.
И оно истекало кровью,
Эта кровь уходила в землю,
В землю теплую гор кавказских,
До краев ее наполняя
Лютой ненавистью к пришельцам.
... Я лежал тогда неподвижно,
силы не было шевельнуться.
И с трудом приоткрыл я веки,
И я помню, что мне казалось,
Будто от потолка до пола
Даль бескрайняя, как до неба...
Но пришло ко мне облегченье –
Я услышал знакомый говор,
Обступили меня мальчишки,
Из соседних дворов ребята.

И седой аксакал почтенный,
Дед Адей — ко мне наклонился
И на лоб положил мне руку.
Теплотою своей ладони
Дед Адей обогрел мне сердце,
И мою озябшую душу
Обогрел аксакал почтенный
Теплотою своей ладони.

6

И помчалась весть по аулу,
Из конца в конец полетела,
И слышала мать об этом,
Что меня, ее сына, Абрека,
В нашей сакле враги убили...
И под ливнем она бежала,
Спотыкаясь, будто слепая.
Под мостом Теберда бурлила,
И шумели угрюмо сосны,
И протяжные плети ливня
По спине мою мать стегали.
И когда она в дом вбежала,
Встали все, кто был в доме нашем...
И упала мать на колени,
И припала ко мне губами,
И рыдая, она стопала:
“Не покинь меня, мой сыночек,
Подожди, твой отец вернется,
Возвратится с войны великой.
И придет к фашистам расплата,
Не уйти им домой живыми.

Я от всех матерей-горяпок
И от всей земли заклинаю,
Будет смерть поджидать фашистов
На извилистых горных тропах
И в глубоких горных ущельях!"
И услышав матери голос,
Загудели родные горы,
Вознесли ее голос к небу,
Умножая его стократно
И усиливая безмерно.
И взлетало грозное слово
Материнского заклинанья
Над горами и над лесами,
Над землею многострадальной,
Зажигая сердца и души
Обожженных войною горцев
Нескончаемой силой мести,
Сокрушительной силой правды.
В ту минуту и я услышал
Голос мамы моей родимой:
"Это права, скажи мне, мама,
Что отец мой домой вернется?"
"Да, сынок мой, орлепок милый,
Он вернется. . . Вставай скорее. . ."
И вставал я, и падал снова,
И подкашивались колени.
Но глаза моей мамы были
Удивительным светом полны,
И любовью ее великой
Я тогда возвращен был к жизни.

Громыхали в горах сраженья,
Грохотали снаряды, мины,
И рвались враги к перевалам,
К ледяным стремились высотам.
Партизаны стояли насмерть,
Каждый выступ скалы и камень
Неприступною был твердыней.
Полыхали на склонах взрывы,
И визжали осколки в скалах.
Были стойкими партизаны,
Не смогли их смести лавины,
Не смогли их сломить бураны,
Артиллерия “Эдельвейсов”
Не смогла ослабить их волю.
И опять наступило утро
В Теберде. В моем тихом доме.
Голубая заря восстала
Над моею улицей детства.
И на двор мой явилось солнце
Из-за дальних вершин высоких,
Вновь явилось оно, сияя
И сжигая черные тучи.
Я шагал по улице детства,
И пронизаны чистым солнцем,
Безмятежно сосны светились,
И дышали свободой горы.
Я смотрел на светлые дали
И на лица людей прохожих,
И я видел на лицах солнце.

И я знал уже: по долине
И по всей Теберде родимой
Разнеслась уже весть, как птица,
Что пришли, пришли в наши горы
Красной Армии нашей солдаты.

8

Было нас, ребяташек, трое,
Мы неслись по улице детства,
Мы бежали, "Ура" кричали,
Мы кричали, в ладоши били,
В нас бурлила, кипела радость.
И мальчишечье ликование
Улетело певучим хором
Высоко, к заоблачным высям,
И несло над родным ущельем.
И Кавказ наш песокрушимый
Отвечал нам тягучим эхом,
Гулким голосом утверждая
Нерушимость и вечность жизни.
В этот день распахнулись к солнцу
Двери каждой сакли аула,
И бурлили синие волны
Теберды, моей речки детства.
Вместе с нами река звенела,
Воспевая освобожденье.
Мы, мальчишки, будто пещданно
Неожиданно повзрослели.
Мы во всем помогали старшим
И почти совсем не шалили.

И однажды седобородый
Аксакал, старый дед аула
Мне сказал, что теперь я вправе
Всем наукам идти учиться.
И одел я за спину сумку,
И пошел я поутру в школу.
Я учился, старался очень,
Приносил я домой пятерки
И, конечно, радовал маму.
И однажды на узкой тропке
Повстречал я в пути цыганку:
“Ой, малыш, золотой ребенок, —
Мне цыганка тогда сказала —
Золоти мою руку, мальчик,
Положи мне горбушку хлеба,
И тогда я тебя, мой милый
Вестью радостной обласкаю...”
И я отдал кусок последний,
Так со мной уж не раз бывало.
И цыганка мне говорила,
Что отец мой домой вернется...
И тогда, затаив дыханье,
Я бросался в родную саклю,
Прижимался к маме родимой
И шептал ей радость большую.
Сколько лет с той поры минуло,
Но и чувствую я, и помню,
Как легла ладонь моей мамы
Мне на волосы незаметно
И погладила их неслышно...

Помню: тяжело трудилась мама
В те далекие годы бедствий.
И дрова пилила-колола,
Огород копала до ночи
И топила очаг родимый,
Малышей — и сестер, и братьев,
И меня в ночи согревая.
Было время: жестокий голод
В наши горы пришел внезапно,
И тогда моя мама, помню
От несчастья спасала близких
И делилась последним хлебом
И мороженою картошкой...
В те жестокие годы бедствий
Люди были ближе друг другу
И доверчивей, и добрее,
И участливей были люди.
Всех сближало общее горе,
И боролись горцы с бедою,
Боронясь от нее всем миром,
Всем аулом одолевая.
...Почтальон ходил дни за днями
Мимо нашей притихшей сакли,
А сегодня зашел поутру
И принес письмо-треугольник.
Я рванулся к нему навстречу,
Я схватил треугольник белый,
Но письмо до прихода мамы
Распечатать я не решился.

Я спешил, я помчался к маме,
Я бежал по улице детства,
А в душе родилась тревога,
И душа моя трепетала,
Словно тонкий листок чинары
Перед грозной и долгой бурей.
Помню я, как рыдала мама,
Как дрожали худые плечи,
Как ее горячие слезы
Обжигали мои ладони.
Из далеких краев несчастье
Нам принес треугольник белый,
Нам принес треугольник черный
Из далеких краев несчастье.
И рыдала мама по мужу,
Губы склеились от печали,
И захлебывалось от боли
Утомленное сердце мамы.
По аулу ходило горе,
Кочевало из сакли в саклю
В треугольниках-письмах белых,
В треугольниках-письмах черных
Смерть из сакли в саклю ходила,
Выжигая глаза слезами.
Письма с фронта в аул спешили
К нашим близким, односельчанам.
И аул наш притих в ущелье,
Горько горбясь между горами.
Я тогда вспоминал цыганку:
Почему она не сказала?
Может быть, она не посмела
Рассказать мне черную правду,

Что придет письмо-треугольник,
Что отец-солдат не вернется,
Что потом мы будем скитаться
По далеким степям бескрайним,
Что погонят нас из аула
По пустынным дорогам пыльным,
Нас, детей, матерей солдатских,
Стариков, седых аксакалов,
Нас погонят из гор родимых
По приказу "отца народов".
Что ж цыганка не предсказала?
Не решилась сказать такое...
Может быть, и сама не знала.
Сколько лет с той поры минуло...
Заросли, позабылись тропы
И пустынные те дороги
Через горы и через степи.
Мне земля помогла окрепнуть,
Я познал доброту людскую,
Нет, не только людей аула.
Вспоминаю того казаха,
Старика с седой бороδοю,
Он спасал меня от болезни,
Укрывал от степного ветра
И поил целебным отваром.
И в киргизской семье зимою
В лютый холод нас приютили
И спасали от тяжких бедствий,
Добротою сердец спасали.
Вспоминаю и русских братьев,
Заслонивших нас от невзгоды...

Повидал я тогда немало,
Повидал я тогда, запомнил,
Что великая сила в мире —
Бесконечная человечность.
...Рвутся к морю синие воды
Теберды, моей речки детства.
Так чиста Теберда родная,
Что порою приходят мысли,
Будто слезы с вершин стекают
И сливаются в реку детства,
В бесконечную реку жизни.
Я смотрю на родные горы,
Вспоминаю мои дороги,
И я знаю — земли величье
И родных моих гор величье
В вечной жизни, что прорастает
Сочной веткой горной чинары,
Веткой Горного Карачая,
Веткой правды и веткой жизни,
И я знаю — величье горцев —
В человечности бесконечной.

ЭЛИЯ
(Молния)

Испытание

По соседству стояли люди
По соседству стояли дети,
И стояли усталые матери
И беспомощные старики.
Я их помню, я всех их помню...
Оробевшие, изможденные,
Со слезами в глазах стояли.
И над нами, над нашими спинами,
Над склоненными головами
Длиннокрылою черной птицей
Бесконечно кружило горе.
Опускалось все ниже, ниже
И крылами нас задевало.
И я видел, я это видел:
Даже бороды аксакалов,
Белоснежные и густые,
Вдруг подернулись черной, тонкой
Горькой траурною каймой.
Сколько наших людей погибло
От болезней и от печали
В этих траурных эшелонах,
Что в изгнанье нас увозили.

Много нас полегло вдоль рельсов
В землю наших бескрайних странствий,
Дочерей, сынов Карачая, —
Дочерей и сынов Кавказа.
Даже трупы не хоронили,
Нам на это сил не хватало.
На земле, промерзлой и голой,
Кое-кто нагребали холмик,
Чтоб едва завалить могилу...
Оскорбленные и убитые
Оставались лежать под ветром
Наши братья и наши сестры,
Наши дети и аксакалы.
Мать кого-то звала на помощь,
И кого-то вновь проклинала!
И царапала с диким криком,
Заливала лицо свое кровью...
Было... Было! С ума сходили!
От великой беды народной!
И с растрепанными волосами
По пустынной земле метались
Наши матери, наши сестры,
Дочки Горного Карачая,
Наши мученицы святые.
И сегодня на тех дорогах
Я хочу, я мечтаю видеть
Нашу женщину, мать-горянку,
Сотворенную из гранита
В бесконечно скорбящей позе
По безвинно погибшим детям,
Детям Горного Карачая.

И пока мы живем и дышим,
В нашем сердце вскипают слезы,
Наши души тревожит память,
Память сумрачных лет жестоких,
Черных лет, когда в колыбели
Погибал младенец певинный.

Раны

И девочки рано выросли,
И мальчишки рано выросли,
И в работу они вгрызались
С девяти малых лет от роду...
И в одиннадцать лет мальчишка
Оставался лихой порою
Самым старшим в семье мужчиной.
Как мы тяжело с нуждою бились,
Выцарапывались из горя,
Из худой нищеты голодной.
Каждый мальчик, каждый ребенок
В те года сжимался пружиной,
И рукам прибавлялось силы,
И сердцам прибавлялось жизни.
А лихое, крутое время
Добавляло и добавляло
Бесконечной горечи капли,
Бесконечно переполняя
Этой горечью чашу жизни,
Мы еще детишками были,
Но уже до конца познали
Боль и голод, и униженье,
И порою, жестокой смерти

Мы, детишки, в глаза смотрели.
Нашим детским сердцам усталым
Каждый день наносились раны.
“Вы — изменники! Вы бандиты!”
Слышал я это многократно.
Это дьяволы изрекали,
Бесы в образе человечьем,
Грязь бросали в глаза ребенку,
И глаза наполнялись болью.
В наших душах переселенцев
И в мозгах заплелись дороги,
Заплелись угрозы, проклятья.
Незаслуженное презренье.
“Карачаевцы не бандиты,
Не предатели!.. Вы поверьте...
Вы послушайте... Вы поймите...” —
Мы просили тогда защиты.
И людские души теплели,
И простые добрые люди
Нам тепло сердец отдавали.
Но судьба пародов решалась
Там, в высоких и грозных креслах,
В тишине больших кабинетов,
Выносились там приговоры.
И лихого деспота слово
Поднималось мечом тяжелым
И сверкало над головою
Обессиленного парода.
И в далекой Азии горцы
Жили в низких, сырых землянках,
От рассвета и до заката
Занимались трудом тяжелым,

Старики и женщины, дети
Не ломались во тьме кромешной,
Не отказывались от веры,
Свято верили в избавленье,
В человеческий светлый разум.

Вера

Ветры времени заметают
По земле опавшие листья,
Заметают остатки сора,
Заметают следы людские...
Но не могут загладить беды
И загладить на сердце раны.
Эти раны, — они живучи,
Ветру времени неподвластны.
Эти раны живут в глубинах
Человеческого сознания,
Отзываются скорбным эхом,
Эхом прошлого пережитого.
Не изжитая боль уходит
С человеком вместе в могилу.
В каждой матери зреют думы,
В каждой матери стонет сердце.
Только все глядят на фигуру
Одинокого властелина.
Возвышается он над жизнью,
Над страданиями народов.
И его жестокость и силу
Принимаем мы, как величье.
Принимаем муку народа,
Как лихую необходимость.
Принимаем... "Отец народов" —

Все решает за нас, великий..."
... Только сердце матери верит,
Что отступит во тьму жестокость,
Победит доброта и правда.

Боль

Аксакалы, женщины, дети —
На полях азиатских горцы —
Все трудились под солнцем белым,
Под огромным, жгучим, слепящим,
Раскаленным от боли солнцем.
Помню я, однажды, на поле
Карачаевская девчонка
Наземь рухнула без сознания,
И кетмень — большой и тяжелый, —
Из девичьих рук ее выпал...
А потом, под чужою крышей,
Помню я, она умирала,
Угасали глаза горянки,
И лицо горянки чернело,
И душа ее уходила,
Улетала к горам родимым...

Жестокость

Каждый день, возвращаясь с поля,
Мы ходили в комендатуру,
Мы должны были отмечаться
Каждый день, возвращаясь с поля.
Помню, Панченко, коменданта:
Толстомордый, высокий, рыжий
Он был так похож на фашиста...

Говорил он всегда сквозь зубы,
Говорил негромко, скрипуче,
И от слов его ядовитых
Каждый раз холодело сердце.
Говорил он, сжимая зубы:
“Всех вас надо было прикончить.
Я сгною вас на этом поле
И в подвале комендатуры,
Я и в тридцать седьмом оставил
Очень много могил в Сибири...”
Откровение коменданта
Каждый раз приводило в ужас
И меня, и других, и маму.
Мы стояли и, цепenea,
Молча слушали резкий голос
Облеченного властью беса.
Помню я, бригадир, однажды
Подскакал на коне по полю
И на мать камчой замахнулся,
Замахнулся, но не ударил...
Я запомнил, я все запомнил.
Если кто-то из нас, мальчишек,
Мог залезть на бахчу за дыней,
Все мы знали, если поймают,
Кетменем и пристукнуть могут.
И редели ряды, редели, —
Карачаевцев и балкарцев —
Разлученных с горами горцев,
Умидали женщины, дети,
Седовласые аксакалы,
От печали и от болезней,

И от голода умирали,
От безводья, от злого зноя
Умирали гордые горцы.

Матери

Колыбелью младенцам стали
Матерей-горянок ладони,
Робким пламенем свечки тонкой
Еле теплилась жизнь в народе.
Но взошел и поднялся хлопок
На прогретых полях бескрайних,
Белый хлопок под солнцем белым
Был взлелеян руками горцев.
И тепло земли азиатской
Согревало сердца людские.
Люди стали добрей друг другу,
И язык, обычаи, нравы
Понимать понемногу стали.
И пошли наши дети в школу.
И кормилицы наши — мамы,
Утопая в труде тяжелом,
И о радостях позабыли,
И об отдыхе позабыли,
О любви позабыли женской,
Утопая в труде тяжелом.
И печальные песни наши,
И преданья древних аланов
Потихоньку в ночи звучали,
Усыпляя наших младенцев,
Сохраняя родной и древний,
Сберегая язык в народе...

Чужие...

А в горах, в родимых аулах,
В селах Горного Карачая
Появились чужие люди,
Обживали они селенья.
Обживали долины, склоны,
Занимали чужие сакли,
Разрушали захороненья
И из наших немых надгробий
Стены складывали в жилищах.
На руинах чужого горя
Возводили чужие люди
Новой жизни своей дороги,
Новой жизни своей селенья.
По-иному называли горы,
По чужому — хребты, ущелья
И чужие названия дали
Тропам Горного Карачая.
Но на пепле чужом не ставят,
Ни мечеть не ставят, ни церковь,
На чужом не построить пепле
Ни судьбы, ни любви, ни жизни.

Память

И молчанье хранили горы,
И хранили память ущелья,
И покинутые могилы,
Одиноко и сиротливо
Вздыбив узкие обелиски,
Молчаливо зывали к небу.

Герои

А с войны возвращались, с фронта,
Наши братья, отцы — солдаты.
Приходили на лепелище,
В изумлении узнавая,
Что уж нет родного аула,
Что и женщины, и детишки,
И почтенные аксакалы
Свезены далеко в изгнание
По приказу “отца народов”.
И что с этой поры на свете
Нет уж Горного Карачая,
Нет на свете Родины предков,
И на месте ее остались
Лишь порушенные аулы,
Да покинутые могилы...

... Сел на камень седой полковник,
Отрешенно глядя на горы,
На покинутое селенье
И на пни от чинар могучих.
Он, прошедший в боях тяжелых
Погибал, истекая кровью,
Оживал, неподвластный смерти,
Поднимая в атаку роты,
Пробивая броню у “тигров”
И сметая своею волей
Нечисть черную в черных касках.
Он, прошедший в боях тяжелых
Эти огненные дороги,
Позабыл что такое слезы.

И сидел он на сером камне
У руин своего аула.
И на выцветшей гимнастерке,
Чуть поблескивала на солнце
Золотая Звезда Героя,
И по смуглой щеке солдата
Одиноко слеза катилась...
Надо было куда-то ехать,
Стариков искать и детишек,
На далеких искать дорогах,
Если кто-то в живых остался.
А потом в далеком селенье
Этот самый седой полковник
Опустивши голову встанет
На учет — у спецкоменданта.

А бывало и так: солдаты,
На Кавказ возвращаясь с фронта
Навсегда в горах исчезали,
От руки нечестивца гибли...

Кто позволил?

Кто позволил сталинской клике
Над пародом моим глумиться?
Кто позволил стрелять мне в сердце
И в историю, и в свободу,
Да и в прошлое гор великих
Кто позволил стрелять злодеям?
Незаслуженное проклятье,
Что несли моему народу
Исполнители черной воли, —

Я заслуженно возвращаю
Этой черной клике злодеев,
Пусть оно покроет их память
Окровавленным покрывалом.

Траур

... Ураган прошел над Кавказом,
Снизлошло на землю знаменье...
И скончался "отец народов".
Помню, в трауре были степи
И дома, и дворы, и люди
Были в трауре бесконечном.
Люди плакали безутешно?
Почему они лили слезы?
Разве знать мы могли в то время,
Что не вождь великий уходит,
Что великий тиран коварный,
Иссушивший родную землю,
По веленью судьбы покинул
Окровавленный трон высокий,
Мы не знали, что с этой смертью
Избавленье идет к народам.

Аксакал

Но еще задолго до смерти
Ныне проклятого тирана
Наши мудрые и седые
Очень старые аксакалы
Разгадали его коварство,
Распознали черную руку.

Помню: очень худой, высокий
Аксакал стоял перед нами.
И его голова седая
Вся наполнилась белым светом,
Как снега вершин Минги-Тау.
И сказал аксакал сурово:
“Это он! Это он отправил
Наш народ в далекие степи.
Это он нас обрек на гибель.
От него не ждите пощады...”

Избавление

Но оно пришло, избавленье.
И как только ушел Правитель,
Просветлело в горах Кавказа,
И на всей земле посветлело.
И почтенные аксакалы
Собрались внезапно в дорогу.
И пришли старики седые,
Карачаевские посланцы
Добрались до Москвы великой
И пришли на Красную площадь
В башлыках белоснежно-белых.
Как тогда, в двадцатые годы,
Горцы к Ленину приходили,
Так они и опять явились,
К Ильичу пришли за советом.
Часовые у мавзолея
Отдавали честь аксакалам.
И седые мудрые горцы
Снова Ленину поклонились,
Снова принял их Кремль высокий

И воздал старикам почтенье,
И везли аксакалы-горцы
Из Москвы хорошие вести,
Что настали дни избавленья,
Возвращенья в родные горы.

Возвращение

Сколько слез пролилось в народе!
Но теперь это были слезы
На сияющих светлых лицах
Матерей и невест горянок,
И джигитов скупые слезы,
Слезы радости, слезы счастья,
Слезы встречи с родной землею.
И пришли на станцию люди,
Нас пришли провожать, как братьев,
Обнимали нас, провожали
Наши братья, друзья — казахи,
Наши братья, друзья — киргизы
И соседи — русские братья.
И шумели в горах деревья,
И гремели в горах потоки,
И сияло горное солнце
Над вершинами Минги-Тау,
И звучали в аулах песни,
И скакали в горах джигиты —
Карачаевцы и балкарцы
Возвращались в родные горы.
Их, как братьев родных, встречали,
И черкесы и кабардинцы,
Украинцы и белорусы
И другие соседи-братья.

И над Верхнею Тебердою
Над родимым моим аулом
Задымились старые печи
И запахло духом гырджына.*
И огонь очага родного
Обогрел усталые руки
Нашей мамы,
Родимой мамы,
Пережившей все испытанья.
И опять в нашей старой сакле
Колыбельная зазвучала.
Это мама для нас запела
Песню родины, песню детства...
И опять я в родном ауле,
И со скалами, и с камнями
Я беседую, как и в детстве,
И деревья мне тихо шепчут,
Раскрывают тайны земные.
Я брожу вдоль оград аула,
Старых, каменных, близких сердцу,
Я смотрю, извлекая взором
Из глубин моих лет ушедших
Все отцовское, дорогое,
Что со мною осталось в детстве.
Я бывшие дороги вижу,
Я ищу себя в колыбели,
Я ищу все то, что осталось,
И все то, чего уж не будет...

---

* Гырджин (карачаевск.) — домашняя лепешка.

Орайда*

Орайда в горах зазвучала
И взлетела на крыльях ветра
Над лесами моих ущелий,
Над заснеженными горами.
Над бурливой Тебердою
Орайда в горах зазвучала.
Это — праздничное веселье,
Это — слава и песня — солнцу,
Это — правде и чести слава —
Это песня наша орайда.
Снова в наших горных аулах
Буйным цветом цветут чинары,
И огонь в очагах пылает,
И хозяйки пекут гырджини.
Облака плывут над ущельем,
На вершинах снега белеют,
И чернеют на горных склонах,
На высоких лугах альпийских
Карачаевские барашки.
И по горным знакомым тропам
Лихо скачут верхом джигиты.
В каждой сакле в моем ауле
Вечерами у колыбелей
Тихо песни поют горянки,
Колыбельные наши песни.
И качаются в колыбельках
Наши будущие джигиты,

---

* Орайда (карачаевск.) — застольная песня.

Те, кто честь защитит и правду,
И очаг сбережет от бури,
Матерей заслонит собою.
Были, будут и есть джигиты
В наших древних горах Кавказа.
Прославляет орайда горы
И любовь, и людей хороших,
Славит дружбу и человечность
Прославляет орайда землю.
И великие наши горы
Откликаются долгим эхом,
Узнают они нашу песню,
Узнают орайду родную.

СОСНА ГОЛУБОЙ СТОРОНЫ

I

Рдеет киноварь коры
В соколиной вышине.
Ты с младенческой поры
Все мне видишься, сосна.

С небом голубым не врозь
Взгляд бросала среди гор
В колыбель мою ты сквозь
Зелень колкую ресниц.

И шептавшая: “Не плачь”, —
Словно женщина в горах,
Ты желала мне удач,
Облачно благословив.

II

Стала тесной колыбель
И ступил на землю я
И по ней иду досель,
Цену многому познав.

Двери заповедный лес
Распахнул передо мной,
Как павлиний хвост небес,
Он переливался весь.

Я с младенчества постиг
Как отеческую речь,
Сосен золотой язык,
Что приятен для бесед.

Помню, мне сказала мать,
В дождь укывшись под сосной:
“Видишь радуга опять
Между двух вершин легла.

Если ты перешагнешь
Семицветный этот путь,
Неприменно обретешь
Облик девичий тотчас”.

Так парод наш предрекал
Мальчикам земли моей.

“Ну и пусть!” —

я закричал

И помчался в небеса.

Но меж сосен среди скал
Радуги не смог достичь,
Но поверье до сих пор
В памяти моей живет.
Что не должен мальчик гор
Радугу пересекать.

III

А потом пришла пора
Лета худшего из всех,
От которого добра
Нам не приходилось ждать.

За руку меня вела
Мать на станцию.
Мы шли
Целый день, покуда мгла
Нас не скрыла от вершин.

Матери запавших глаз
Не забуду я вовек.
И, казалось, слов у нас
Больше не было в груди.

Поезд отбыл на восток,
И, осиротив Кавказ,
Стал растягивать злой рок
Годы, месяцы и дни.

А на соснах, говорят,
Слезы светлые смолы
Почернели, как агат,
Горестно окаменев.

Сквозь беспамятный туман,
От Кавказа вдалеке,
Нам светила, как Чолпан.*
Вера, что вернемся мы.

Мне порою по почам
Сосны виделись во сне.
И текло по их плечам
Солнце, встав из-за вершин.

Только чудилось: они
Онемели в вышине.
И способны лишь один
Вздохи издавать теперь,

Мать шептала мне не раз
Со склоненной головой:
“Потерпи, сынок, и глаз
ты слезами не тумань”.

И хоть мальчиком я был
Плакал на груди ее,
Словно я переступил
Радугу, девчонкой став,

И отец входил в мой сон,
Говоря:
“Держись, сынок!”
И, погибший, гладил он
Голову мою в тоске.

---

* Чолпан (*карачаевск.*) — утренняя звезда, Венера.

IV

Сосны в отчей вышине
Сквозь дымящуюся мглу
Представлялись стадом мне
То оленей золотых,

То, казалось, в журавлей
Превратясь,
они с небес,
Над просторами полей
Подавали кровный зов.

Память — верный талисман,
И к тому же искони
Исцелителем всех ран
Время под луной слывет.

И воочью вновь видны
Мне в домбайской вышине
Сосны вольной стороны —
Соплеменницы мои.

Я — не мальчик.

И у них
На ресницах — серебро.
Как сестер своих родных
Сосны обнял я в горах.

И по солнечной коре
Слезы светлые текли.
Право, был по той поре
Всех счастливей в мире я.

Время исцеленья ран,
Воздавал тебе я честь.
И заздравный пил айран*
Я за родину мою.

---

* Айран (карачаевск.) — хмельной молочный напиток.

ПОХОЖИ ВОЛНЫ ДРУГ НА ДРУГА

Похожи волны друг на друга,
Деревья, горы и цветы.
И даже люди, вставши кругом,
Имеют общие черты.

И повторяются дороги,
И судьбы, схожи меж собой,
И мне бы – по советам строгим —
Идти проторенной тропой.

Но неизменно век от века
На неизведанном пути
Дается право человеку
Неповторимое найти.

Опять бела от снега грудь земли
И выюги все дороги замели.
Когда зима беснуется и злится
Угрюмее и тверже наши лица.

Что делаешь?
Зима в своей поре —
Мы привыкаем к холоду, к жаре.
Но мы порой не замечаем вовсе,
Кружа трудом наполненные дни,
Что лютость зим и пробужденье весен
Движеньям сердца нашего сродни.

ТИШИНА И РЕБЕНОК

Месяц светит у окна.
Спит ребенок. Тишина.
Сонно чмокает губами,
Словно грудь сосет
и маме
Эти звуки слаще сна.

Вот отец над ним склонился,
Словно светом озарился
И промолвил:
“Спи, сынок!”

Боевым к словам присловьем
У отца над изголовьем
Блещет дедовский клинок.

В очаге стрельба поленец,
Но спокойно спит младенец,
И тревог не утоля,
Оставаясь домовитой,
Вечной движется орбитой
Неспокойная земля.

Спит ребенок в колыбели
И над ним в почном пределе
Вышла звезд пастись гурьба.
Говорят о том приметы,
Что его и всей планеты
Кровно связана судьба.

НА БЕРЕГУ КУБАНИ

Стоит село на берегу Кубани,
Чей каждый дом белеет в синей рани.
Как будто лебедь.

И само село

На стаю лебединую походит
И плещется река и колобродит,
Раскинувшись лазурно и светло.
А на речном зеленом берегу
С утра пасется стадо на лугу.
Рога склоняя будто бы короны,
Пьют из Кубани белые коровы,
И волны льнут к ногам их на бегу.
А за селом

воистинно, как диво,

Сестрою солнца золотится пива,
Творенье рукотворное она.
Встает заря и небо на востоке
Алеет, словно в свекловичном соке.
И слышится мне имя: "Кулистан".
Ах, не ее ли волей так багрян
Свод неба над угодем свекловичным?
И голосом окликнул кто-то зычным:

“Эй, Магомед!

И парень в свой черед

Махнул рукой и дал машине ход.

С отарой в горы двинулся Халит,

Пусть бурка от дождя его хранит,

И слышит он, как в облаках Кубань

Летит, ущелья озвучив гортань.

ПОСЛЕДНЕЕ ДЫХАНЬЕ

Все люди смертны — так устроен свет,
Бессмертной плоти на планете нет, —
Зато бессмертно слово,

коль оно

На свет высоким духом рождено.

Завещано любому искони:

“Не в сундуке богатство ты храни,
А в доблести и в славе, и в любви,
И после смерти в подвиге живи!”

Из всех богатств обязан человек
Копить богатство духа целый век,
Хоть зло в подлунном царствии старо
В такой же древней мере, как добро,

Но вечно в мире добрые дела
Торжествовали над деяньем зла.
Бесплотна зависть. Из ее семян
Рождаются не розы, а бурьян.

Бесплодна глупость, как бесплотна тьма,
Но плодоносит ясный свет ума.
Дар истинный всегда исполнен чар,
И освещен добром прекрасный дар.

И наша жизнь, хоть слишком коротка,
Она способна озарять века.
Со смертью рядом мы живем всегда,
Но светит нам заветная звезда.

Она завет поступки совершать,
В которые вчekanится печать
Добра и блага.

Пусть нам сквозь года
Призывно светит вечности звезда.

Умершие не воскресают,

но

Жить в памяти достойным суждено.
И жизнь свою пожертвовал бы я,
Когда б вернуть смог из небытия
Хоть одного,

кто тем лишь знаменит,
Что славы был достоин, но забыт.

О ЖИЗНЬ

Жизнь морю бурному подстать,
И чем-то с рыбой схож я,

ибо

Расставленную сеть опять
Стараюсь обойти, как рыба.

Жизнь, словно горы, где крута
Дорога у подножья сини,
Где опьяняет высота
И сердцем тянешься к вершине.

Жизнь, словно степь:

ей края нет,

И сквозь распахнутые дали
В надежде путь по воле лет
Держу, не сторонясь печали.

Мечта ведет нас сквозь года,

И знаю —

путник неприметный —

Что в жизни тайна есть всегда
И к ней мы ищем ключ заветный.

Весь век нам образ жизни мил,
И молим небо мы и сушу,
Чтоб ангел смерти Азраил
Не прилетел по нашу душу.

ПЕРВЫЙ ЛУЧ

Встало утро из-за круч

И, проснувшись,

первый луч

Снова, как заведено,

Проскользнул в мое окно.

Пребывавшему во сне,

Он с подушки

в ухо мне

Прошептал:

«Вставай! Проснись!

Росы на поле зажглись”.

Право, был бы я везуч,

Если б мог, как этот луч,

Возникать в твоём окне

И шептать,

склонившись к уху,

Те слова, что будут слуху

Слаще, чем в медовом сне.

СХОДСТВО

Походит степь на степь порою,
И схожи звезды над горою,
И схожи на лугу цветы,
Деревья схожи и кусты.

И поле битвы,
                                  где осколки
Свистели в прошлую войну,
Где слышен голос перепелки
И травы вздыбили волну,

Легко нам перепутать с полем,
Где не гремел огонь войны,
Но память горько мы неволим,
Воспоминаниям верны.

И одинаково мы плачем,
И одинаково удачам
Мы радуемся
                                  и у нас
Един порою звездный час.

И с человеком я прохожим
Вдруг чем-то становлюсь похожим
Не тем ли,
                                  что в тревоге с ним
Под небом мы живем одним?

Даруй нам сходство,
к истине стремленье.
Даруй нам сходство, чувство доброты,
Даруй нам сходство самоотрешенья
И от тщеславья и от суеты.

ПРИДЯ НА СВИДАНИЕ...

Придя на свиданье,
Ты милого ждешь у скалы,
А он уже здесь,
И ступив к тебе из полумглы,
Рвется к сердцу прижать
В нетерпенье мужском.
«Ой, не надо. — ты шепчешь, —
Ведь люди кругом».
«Да никто не увидит
Нас здесь у скалы,
Село солнце
И в гнезда вернулись орлы»
И горят ее щеки
И рдеют слова на устах,
А его нетерпенье
Сильнее, чем девичий страх.
«Знай, глазасты соседки!»
«Да им разглядеть нас не в мочь»...
Над ущельем плывет соловьиная ночь.

МУЖЧИНЫ ВОЛИ НЕ ДАЮТ СЛОВАМ

Мужчины воли не дают словам,
Предпочитая дело.

Мы такие...

О женщины, как редко слышать вам
Приходится признания мужские!

Что значит наша детская слеза?
Но я клянусь: того счастливей нету,
Кто помнит материнские глаза,
Кто видит в них всю доброту планеты!

Что значит представленья о добре
И о любви без женского участия?
...Я помню, как играя во дворе
Вдруг замер от неведомого счастья.

Впервые ощутил я на себе
Взгляд девочки — внимательный и чистый,
И мчать наперекор любой беде
Мне захотелось с гиканьем и свистом.

Когда неповторимые глаза
На нас глядят, то мы непобедимы
И, право, совершаем чудеса
Во имя несравненных и любимых.

И мать, и подрастающая дочь,
И та, что всех прекрасней во Вселенной,
Нам дарят смысл. И тьма уходит прочь.
Нить жизни бесконечна и петленна.

Кровно с вами связан я судьбою,
И, шагая по гряде годов,
Ради вас пожертвовать собою
Я в мгновенье каждое готов.

ПАМЯТЬ

Безмолвен

этот памятник-музей.

В торжественном молчании вокруг

Столпились скалы,

словно круг друзей;

И скорбен, и недвижим

этот круг.

И сам ты

в тайном трепете стоишь.

От Вечного огня вокруг светло...

В ущелье этом, где аул Кумьш,

Немало душ певниных полегло.

За солнце.

За Россию.

За Кавказ.

За всех людей,

живущих на земле.

Огонь сердец погибших не угас,

Он светит днем

и в полуночной мгле.

Между печальных двух

высоких плит

Цветком в губах большой седой горы

ЗИМА В ДОМБАЕ

В Домбае стоит зима,
Свет излучают хребты,
И можно сойти с ума
От сказочной красоты.

Сосен раскалены
Бронзовые стволы,
Стою среди тишины
В ущелии у скалы.

Мне мириады звезд
Видятся на снегу,
Синицы свистят, и клест
Не остается в долгу.

И Теберды голубой
Вновь опушив берега,
Все озаряя собой,
Царственно блещут снега.

Взгляд простираю,
любя

Земли отеческих мест.
Сердце вбирает в себя
Все, что я вижу окрест.

БАБУШКИН ЗАВЕТ

Подурнела я лицом,
Покрутилась колесом
Я за жизнь свою.
Где-то рядом мир иной:
Я на тропке ледяной
Кое-как стою.

Нет дороги мне назад
Слепнут быстрые глаза,
Онемел язык.
Но хочу я вам сказать,
Чтобы наперед вам знать:
— Дум моих возы

Следом тянутся за мной
По тропе моей земной.
Знайτε наперед:
Счастлив будет только тот,
Кто в душе любовь найдет —
Полюбить народ.

Кто, поняв свои сердца,
Будет верен до конца
Родине своей,
В ком отвага есть и честь,

В ком и человечность есть, —
Звезд она древней...
Где-то рядом мир иной;
Я на тропке ледяной
Кое-как стою.
Только это не беда!
Были б честными всегда
Те, кому свою
Отдала я колыбель
И сосну, и дуб, и ель,
И тропу в аул...
Выше скалы надо мной
Хоть весною, хоть зимой
Станьте в караул!

Честно я свой воз везла,
Чтоб сосед соседу зла
Век не пожелал.
Мне не жизнь моя важна,
А чтоб зависть и вражда
В людях не жила!

Чтобы жадность никогда
В селах или в городах
Не нашла приют...
Этим думам старость греть,
Эти думы умереть
Мне и не дают.

Пропать, где лишь лед на дне,
Пусть могилой будет мне,
Чтоб лучи не жгли,
Чтоб тревог всей земли,
Как к живой, ко мне все шли,
Вечно шли.

ГОРЫ БАЛКАРИИ

Просыпается, видя рассвет,
Белоплечий балкарский хребет.

Ах не он ли опора небес,
Грань крутая речного разгона?
На хребте этом бронзовый лес,
Сосен взмывших с гранитного склона.

Незнаком ли ты здесь иль знаком,
Гость для горца дороже подарка,
И айран тебе —
  будь кунакам —
Поднесет, поклонившись, балкарка.

А появится тур на скале,
Ты оценишь, какой он красавец.
И останется пуля в стволе,
В красоту не стреляет балкарец.

Я в аул Ак-суу как-то раз
Заглянул,
  где взлетевший под тучи,
Друг мой с детства на дне своих глаз
Уместил эти вечные кручи.
И балкарцев свободный язык
Соплеменно мне в сердце проник.

И сумел убедиться я сам,
Что язык этот зычный от века
Ближе многих других к небесам
И к огню среди горного снега.

* * *

Возле синего окна
Птичка резвая одна
Появилась...

— Глянь-ка, амма,*
Как над нашей крышей прямо
Вьется птичка, грудь бела!
— Это вестница тепла!
Невеличка, как синичка,
Ласточкой зовется птичка.

Хвост ее не дать, не взять,
Черным ножницам подстать.

Шейка с красным ободком.
Кто с касаткой незнаком?
Прилетит, пером черна,
Тут уж знай — пришла весна.

Мчится небо посреди,
Пахарь в поле выходит...
На пороге амма внучку
Взяв за маленькую кучку,
Вышла с ней весну встречать:
— Глянь, какая благодать!

---

* Амма — бабушка.

Я НАВСТРЕЧУ ВЕТКЕ ПОТЯНУЛСЯ...

Я навстречу ветке потянулся,
Увидав последний лист на ней.
Невесомый, он меня коснулся
Кувыркнулся

и упал в ручей.

Но другое видится поэту:
Не осенний желтый лист плывет, —
Это лето уплывает в Лету,
А другое будет

через год.

Журавли отправились в дорогу.
Скучен старый опустелый сад.
Я шепчу ушедшему вдогонку:
— Ну послушай,

воротись назад...

Но от лета не слышать ответа.
На дворе тоскливо и темно.
Льют дожди, оплакивая лето,
Словно вправду умерло оно.

Вдруг как будто проступила просинь;
Я читаю Пушкина в тиши.
Представляю болдинскую осень
И пишу про осень

от души.

ЛУННЫЕ РУКИ

У слиянья двух рек
Теберды и Кубани,
Руки вскинула ты
На смеркавшейся грани.

Словно лунные крылья,
Они предо мною
Засветились во мгле,
Озарясь вышиною.

Под ногами тропа
Или путь это Млечный?
И звучит в тишине:
«Здравствуй, друг мой сердечный!»

То, что встречу тебя
Знал с утра и заранее
У слиянья двух рек
Теберды и Кубани.

Подношу вам обоим
Свою благодать я, —
Говорит Карачаевск,
Раскрыв нам объятья.

И сплелись не впервой
Пред часами почными
Твои лунные руки
С моими земными.

И мерцает звезда
На высоком платане
У слиянья двух рек
Теберды и Кубани.

ВЕСНА В ГОРАХ

Как поют на заре соловьи!
Песня в пропасти падает с кручи.
О весенних почках, о любви,
Вторят горы и слушают тучи.

И ручьи на рассветной поре
Очень нежное что-то лепечут,
И со звоном бегут к Теберде,
На ее материнские плечи.

Только весенние дни настают,
Каждым вздохом весну прославляя,
Даже старые сосны поют
На уступчатых скалах Домбая.

А небесная бездна ясна,
Синеву уропила в озера.
И во след за отарой весна
Убегает и прячется в горы.

Я стою на лугу золотом
И в руке моей солнечный лютик.
О весна, заходи в каждый дом,
Приноси только доброе людям.

ИЩУ ТЕБЯ

Неумолимые года
Травой печали прорастают
Светлеет горная гряда
И ночь в рассветном блеске тает.

Ищу тебя.
В моей груди
Всегда твой образ, смеха звуки.
Зову тебя:
Приди, приди,
Не позабудь меня в разлуке.
Я стану ливневым дождем
И от Кумы и до Кубани
Возникну тоненьким ручьем
И ты прильнешь ко мне губами.
Я стану песней, чтоб парить
Над миром,
Над твоей крышей.
И радость каждому дарить
Кто песню ту хоть раз услышит.

Я ВИЖУ ПЛАНЕТУ

Будоражит кровь мою тревога
И в душе сомнение живет,
В долгую и трудную дорогу
Сердце беспокойное зовет.

Тени предвечерние нависли,
Дышит теплотой земля моя...
Но опять меня уводят мысли
В горы, в степи, в дальние края.

Я иду сквозь города и села,
Я лечу над штормовой волной,
Молодой, печальный и веселый,
Утомленный, гордый и смешной.

Прохожу я через сумрак липкий,
Сквозь рассвет, что полон чистоты,
Я встречаю детские улыбки
И черешен белые цветы.

Надо мною шелестят березы,
Небосвод раскрылся голубой,
Но, как только я увижу слезы,
Сразу в сердце возникает боль.

Не должно покоя быть меж нами,
Если даже в дальней стороне
Льется кровь и полыхает пламя, —
Умирают люди на войне.

Человек, не забывай про это!
Пусть шумят бескрайние хлеба
И под солнцем зеленеет лето, —
Ведь у нас всего одна планета —
Это наша общая судьба.

ЛЮБЛЮ СЕДОЙ АУЛ НА ВЗГОРЬЕ

Люблю седой аул на взгорье
Где каждый житель мне родня,
И мать, вскормившая меня
И радостью своей, и горем.
Люблю друзей. Протянут руки,
В беде помогут стать сильней.
Громов веселых перестуки
Люблю встречать среди полей.
Мечтать люблю на травном ложе, —
Орел да горная гряда.
Люблю цветов

и камень тоже:

Одеты в камень города.
Люблю тебя, моя отрада,
Моих запевок соловей,
Что притаила в гуще сада,
Крыло весны —
весны моей.
Люблю задумчивую лунность,
Березу, что как снег бела.
Моя негаснущая юность
В жизнь и поныне влюблена.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Застыли горы, степь и поле,

И повоселне зима

Справляет вновь.

Белы дома,

Блится снег в заглавной роли.

И тихо так, как в давнем веке,

Насторожилось все вокруг.

В низовьях бег прервали реки

И пахарь заслужил досуг.

И льнет к жилью уже синица,

С людьми налаживая связь.

И первозданно снег ложится,

В пространстве медленно кружась.

И дыма голубые клубы

Плывут за облаками вслед.

Детей улыбки белозубы,

А радость — излучает свет.

ХОТЬ ТЫ УЕХАЛА

Как будто радуга взошла
В горах дождю вослед.
Хоть ты уехала, но мне
Забывать тебя нет сил.

В груди моей гнездо свила
Любовь во цвете лет.
Хоть ты уехала, а я
Тебя еще люблю. .

Весну умчавшуюся вдаль
На гору не вернуть.
И сердце у меня в груди
Пустыннику подстать.

Но стала мне сладка печаль,
И выхожу я в путь,
И память о тебе со мной,
Как будто благодать.

БАЛЛАДА У ВЕЧНОГО ОГНЯ

*Вам, кто до яростной битвы с врагом
Слушал березы земли белгородской.
Вам, кто Отчизну в бою заслонил
Сердцем горячим, обретшим бессмертье.*

Помнит Отчизна, помнит героев
Павших на Курской дуге огневой.
Годы сражений след их не скроют,
Не зарости ему горькой травой.

Ярко пылают в мае рассветы —
Зори святой белгородской земли.
Это не зори — пламя Победы,
Пламя сердец, что в боях полегли.

Смолкли давно уж громы орудий.
В памяти грозная битва жива.
К миру сердцами тянутся люди,
У ветеранов седа голова.

Стар или молод — каждый приходит
К этой священной земле на поклон,
И материнская боль не проходит,
Хоть уже катится жизнь под уклон.

К братской могиле ветви склоняя,
Ивы, седые от горя, стоят.
Павших героев сон охраняют
И, словно матери, горько скорбят...

Ивы седые — нет им покоя,
Ветры шумят у них над головой...
Вечная слава павшим героям,
Павшим на Курской дуге огневой.

Едва глаза раскрою на рассвете,
Я мыслями уже стремлюсь к тебе.
А за окном цветущий сад

и ветер,

И птицы распевают о весне.

Вдруг налетела туча дождевая

И стало неприветливо, темно.

И я грущу.

И солнце ожидая

Смотрю безмолвно в тусклое окно.

Голубка ль с крыши в сипеву взлетела —

Она напоминает мне тебя.

И водопад грохочет в пене белой,

И в мыслях ты.

И счастлив я любя.

Когда с тобой в разлуке я бываю,

Как долог день.

И грусти не унять.

Расцвел цветок — тебя я вспоминаю.

Со мною ты — и счастлив я опять.

* * *

Пришел ко мне приятель за советом:
Друг друга разлюбили мы с женой...
Она была моей весны рассветом,
Источник вечной радости живой.

Чем объяснить, что все переменялось?
Любовь ушла, как вешняя вода.
Теперь вражда меж нами поселилась
И не уйти ей, верно, никогда.

Что делать мне? Хоть ты мне посоветуй,
Так продолжать не стало больше сил.
А я в ответ: на жизнь свою не сетуй:
Ты вспомни, как жениться ты спешил,
А у меня совета не спросил.

Что мы гостеприимны, написал,
А он-то знал в людском радушье толк.
Мой Карачай,
тебе его похвал
Достойным быть повелевает долг!

Я СЛЫШУ ПЕСНЮ СОФИИ РОТАРУ

Как горного ручья живая речь,
Звучит
Твоя взволнованная песня,
И эти звуки рвутся в поднебесье,
Чтоб целый мир
Огнем любви зажечь.
Ты запоешь таинственно и гордо,
Мы слушаем.
И песня всем близка —
И сердцу аксакала-старика,
И сердцу юного джигита-горца.
София — дочь Молдавии родной.
София — дочь певучей Украины,
София — россиянка.
Это имя
Уже теперь не для тебя одной.
В твоём лице
Черты горянки есть,
Я вижу их,
Я вижу страсть и строгость,
Я вижу и возвышенную честь,
Я вижу нерастраченную робость.
В твоих глазах горит огонь добра,
Огонь любви
К земле
И к человеку.

Я слышу песню: как она щедра!
В ней целый мир и радости, и смеха,
И боли, и страданий, и любви,
Разлук и встреч, и темноты, и света,
И чувств, еще не познавших людьми.
Поет София. Крутится планета.
И светятся огромные глаза,
И страницей по миру песня бродит...
Но вот она смолкает и уходит.
И высыхает на щеке слеза.

ГОРНЫЙ СВЕТ

Высокие заоблачные горы,
Они храпят немало тайн веков.
В них все скопилось: грозы, бури, годы...
И даже мудрость древних стариков.

Торжественно, задумчиво и немо
Они стоят, поднявшись до мечты,
И прославляют землю, славят небо
Величием подзвездной высоты.

И мачты гор в бескрайние просторы
Плывут под парусами облаков.
Храпят покой мои родные горы
И блеск вершин, и холод ледников.

Огромные сияющие звезды
И реки, что бурливы и сильны,
И винограда зреющие гроздья —
Святого света горного полны.

И он мне озаряет, греет душу,
Небесный свет моих высоких гор.
И хочется стоять и вечно слушать
В ущельях эха стоголосый хор.

Орлы парят — стремительны и зорки,
Светла Эльбруса голубая тень...
Смотрю, как здесь рождается на зорьке
Страны моей родной грядущий день.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Месяц на небе возник,
На тебя бросает взор.
Баю-Баю,
                    твой бешик*
Я качаю среди гор.

Птиц умолкли голоса,
И вокруг в родном краю
Спят долины и леса,
Баю-баюшки-баю.

Звезды светятся в росе
И туман в теснине лег.
Мне отдай печали все,
Когда вырастишь, сынок.

И скала, как волчий клык,
Стала белой в вышине.
Баю-Баю,
                    твой бешик
Я качаю в тишине.

---

* Бешик — колыбель.

Сны окутали Домбай,
Все вокруг во власти сна.
Баю-Баю, баю-бай,
Только я не сплю одна.

КОРОЛЕВЫ КАРАЧАЯ

Сосны в каменной округе
К облакам вознесены,
Словно в красные кольчуги
Их стволы облачены.
Лег уверенно на плечи
Сосен
    облачный шатер
И вести им сладко речи
О земле родимых гор.
Королевы Карачая,
Привечая ездоков
Знают,
    склоны гор венчая,
Тайны многие веков.
Грозовые ветры дули
И гнезятся, охладев,
Еще битв минувших пули
В бронзовых стволах дерев.
К этим соснам лыну я взглядом
В незакатной вышине
С племенем их гордым рядом
Находится мило мне.

Станет, слившись с высотой,
Пусть в пределах дорогих
Наш восторг пред красотой
Грамотой охранной их.

В МОИХ СТИХАХ СЕКРЕТА НЕТ

Мне говорят: ты — сын войны.
Но в ней-то нет моей вины.
В моих стихах секрета нет,
А есть в душе тяжелый след.
Нет мамы и отца давно.
Что ж — плакать и смотреть в окно?
Нет! Выше голову держать
И их деянья продолжать,
Им благодарен, что живу,
Люблю поля, цветы, траву,
Что солнцу я приветы шлю,
Что крепко Родину люблю.
Никто не скажет, сколько лет
Дано прожить мне па земле.
Но сколько б не было, друзья,
Быть человеком должен я.

МАТЕРИНСКИЙ СОН

К вечеру ветер — слепой вертопрах
Матери вновь навевает тревогу.
Как одинок её домик в горах
С лампой бессонной в окне на дорогу!

Пусто и холодно в доме одной,
Ей до утра не ложится в постели.
Что же поделаешь, если зимой
Голые ветви не сдержат метели.

Снова ли снится матери сон:
Замерло сердце, расставшись с тоскою —
Да, это сын, ну конечно же он
Дверь отворяет иззябшей рукою.

— Мама, я в долгом пути изнемог,
Если вернулся в родные долины...

Тихо в ответ:

— Отдохни-ка, сынок,
Голос привычно баюкает сына.

ТЕЧЕТ РЕКА ГИДАМ-СУУ

Течет река Гидам-суу
В ущелье Теберды,
И пихты
    лапы на весу
Склонили у воды.
Бежит студеная вода, —
Ее студеной нет.
Не возвращался я сюда
Уже немало лет.
Ах, годы, годы! Пусть они
Летят как облака, —
Мои мальчишеские дни
Запомнила река.
Когда по теплым валунам
Мы прыгали, легки,
Казалось почему-то нам,
Что больше нет реки.
А нынче, сидя у волны,
Тоскую сам не свой:
Другим мальчишкам Теберды
Ты кажешься большой.

Глотну воды — и прочь, тоска!
Так не было давно.
...В лицо плеснула мне река,
Сверкая озорно.

***

И снова утро золотое,
И небо светлое, без туч.
И пахнет в комнате весною,
И на подушке теплый луч.

Он шепчет мне:
- Вставай скорее...
В горах весна!
Проснись, проснись! -
О сердце, робкое, смелее
К другому сердцу прикоснись
И прошепчи: АРИУУМ*,
Открой глаза,
Кругом взгляни.

Ты слышишь щебет,
Речек шум?
Пришла весна,
Весна любви.

---

* Ариуум (карачаевск.) — любимая.

***

Спасибо, речка голубая
Тебе за то сказать могу,
Что среди гор судьба сулила
Жить на твоём мне берегу...

Ты отражаешь неизменно
И звезды и полдневный свет,
И в тишине твой бег напевный
Ласкает слух мне с детских лет.

Приход зари благодарю я,
И над тобой, моя река,
В дни радости и в дни печали
Мне мысль о родине сладка.

Еще благодарю я небо
За то, что мне в кругу высот
Перо в минуты вдохновенья
Оно незримо подает.

ЖИЗНЬ МОЯ НЕСПОКОЙНА, КАК МОРЕ...

Жизнь моя — беспокойна, как море,
Да и сам я — как рыба в волне...
Гребни встречные грудь мою моют
Торопливо бросаясь ко мне.
Жизнь ведёт меня к дальним глубинам
И по горным тропинкам ведёт
К ослепительным снежным вершинам,
Сквозь туман леденящих высот.

Я плыву, я лечу, я шагаю,
Оживаю, теряюсь вдали...
Удивляюсь, стремлюсь, — посягаю
На великие тайны земли!
Жизнь моя,
О судьба моя, доля!
И под солнцем, и в черной ночи,
И в траве среди лунного поля
Я искал к твоим тайнам ключи.

О тебе мои светлые песни,
Что я с болью и счастьем пою,
Ничего нет на свете чудесней
Жизни горца в родимом краю.
Неудачи мои и удачи
О судьба, на виду у тебя;
Моё сердце смеется и плачет
Надрываясь, волнуясь, любя.

Ты не тронь меня крыльями смерти,
Сбереги от неверных путей,
От житейской пустой круговерти,
От недобрых жестоких людей.
Не боюсь я ни боли, ни тлена, —
И судьба, и удача — со мной,
И как сын я склоняю колена
Перед мудростью жизни земной.

НА ЗЕМЛЕ КАЗАХОВ

Олжасу Сулейменову

Неоглядные степи и доли, и горы,
Это земли казахов с далеких времен,
Где распахнуты вешние воды, как годы,
Где стрелы оперенной мне слышится звон.
Облака, словно юрты, кочуют по небу
И былых поколений горят очаги.
Здесь относятся к слову, как будто бы к хлебу
С уваженьем.

И беркуты чертят круги.

“Мир тебе!” —

говорю я казахскому краю,
Говорю ему “Здравствуй! И славно живи!”
Поклоняюсь Джамбулу

и низко — Абаю,

И при этом своей не скрываю любви,
Побратались в пути два напевных потока,
Мне поэзии истинной слышится глас.
С музой русской сливается муза востока,
И над нею, как всадник, взлетает Олжас.

И в груди его сердце — открытая рана,
И завидному дару — великая власть.
В слове русском не тесно степям Казахстана,
В слове русском пылает казахская страсть.

Целину поднимала страна в Казахстане,
Эту пору забыть никому не дано.
Я же помню ещё
Ком обиды — в горах,
На Кавказ, заслоненное мглою окно.

Хоть тебе, Казахстан,
не давал я зарока

Забывать о печали,
сказать я могу,

Никогда от меня не слышал ты упрека,
Я всегда пред тобой оставался в долгу.
Родники твои жажду мою утоляли
И твои земледельцы кормили меня,
Твои женщины детство мое обласкали,
Согревался вблизи твоего я огня.
Речь казахской степи вспоминаю поныне,
Голос вольного ветра и ливня и птиц,
Голос сердца, подобного горной вершине
И сыновней любви, что не знает границ!

РОЗЕ РЫМБАЕВОЙ

Глядит звезда в зари голубизну.
Вдали раздался голос соловьиный.
Она идет, приветствуя весну.
Цветет тюльпан, цветок ее любимый.
Она поет и вторит ей земля.
А песня нас в историю уводит,
Где юная казашка Алия
Свершила подвиг, что живет в народе.
Ей выпал трудный и неравный бой.
И в том бою она стояла насмерть.
Пожертвовала ласточка собой
И, крылья обломав, упала наземь.
И потемнели у земли края,
А тучи словно опустились ниже.
И эхо повторяло: “Алия,
Не умирай! Живи, живи, живи же...”
А песня, словно птица из гнезда,
Взлетает гордо в небо Ала-Тау.
И облетает многие места,
Сердца людей волнует и не тает.
В глазах певички радуги дуга,
Улыбка, словно луч, призывно светит.
Да, песня Розы людям дорога,
Она волнует много душ на свете.

Язык той песни всем понятен стал -
И небу, и земле, цветам и травам.
Пой, ласточка степей. Твои уста
Земли казахской умножают славу.

НЕ УПЛЫВАЙ ЛУНА ЗА СКАЛЫ

Смотри, луна, как небо звездно,
Твои лучи, как щелка нить,
Наверно так влюбленный создан,
Что он не может не грустить.

Свети луна в её окошко,
Сияй у милого окна.
Она придет по светлой стёжке
Ей тоже, верно, не до сна ...

Она придет, тогда взгляни и ты
В её открытые глаза,
На губы цвета земляники,
Скажи, что я не смог сказать...

Не уплывай луна за скалы...
Я о тебе ведь песнь пою.
Недаром мудрость аксакалов
Слагает тосты в честь твою.

Не надо мне безлунной ночи,
И я прошу не уходить,
Пока моей любимой очи,
Тебя не смогут заменить.

ТАНЕЦ ЛЮБВИ

Слышу я песню
Подснежников нежных.
Милая, песню ту
Благослови.
Дождик посыплется
С неба безбрежного.
И начинается
Танец любви.

Пусть страдает волна
Тебердинская
Нежные взгляды, —
Лови их, лови...
Завтра из Вологды,
После из Минска
Буду спешить я
На танец любви.

Чтоб танцевать мне
С тобой, с водопадами
Под сыбызгы и кобуз
На заре...

Видеть лишь косы волшебные

Надо мне

И улыбаться

Одной лишь тебе.

МОТИВЫ ДЕТСТВА НЕ ЗАБЫТЬ

Растет мальчишка.
Голос ломок;
Еще усов не отрастил.
И ввысь торопится орленок,
И крылья набирают сил.
Я детство часто вспоминаю.
Слились в едино для меня
И крик далекой птичьей стаи,
И говорливый шум ручья,
Листвы прерывистые вздохи
И волн накаты на гранит.
Обрывки дней.
Мгновенья.
Крохи...
Их память бережно хранит
Мне мать еще не отоснилась,
Любовью полнится душа.
Она поет, ко мне склонилась,
Качает люльку не спеша.

Я не забуду песни эти,
Не перестану их любить.
И сколько бы ни жил на свете,
Мотивы детства не забыть.

Спасибо, Отчизна, за то, что немало
Дала ты прекрасного жизни моей.

Спасибо за счастье —

с больших перевалов

Смотреть на дороги добрых людей.

И ТОГДА ПОЗДРАВИТЬ ПОСПЕШИМ

Подай мне руку
И шагнем вдвоём
Через века,
События и чувства.
Пусть будет для друзей
Открыт наш дом.
Мы примем гостя
И тепло, и чутко.

Пускай всегда.
На торжество весны
Со всех концов
Большой планеты нашей
Съезжаются все,
Кто душой честны,
Кто мирные
Проводит всюду марши.

При этой встрече
Травы запоют,
И ласточки,
И пенистые реки.
И горы наши
Будут славить труд
И лучшие открытия
В человеке.

И кто-то скажет:
— Посмотрите вы
На этот дивный мир
Неповторимый.
Восславим праздник
Молодой листвы,
Пусть поколенья
Чествуют любимых.

А мы с тобой
Тайком войдем в тот дом,
Вином наполним
Светлые бокалы.
И здравицу
Объявим за столом
За любящих,
Неведомых пока нам.

Разливом зорь
Засветит завтра им.
С планеты
Войны все уйдут и беды.
Потомков мы
Поздравить поспешим
С тысячелетьем
Праздника Победы.

ВСТРЕЧАЛ ЛЮДЕЙ Я НА ПУТЯХ ЗЕМНЫХ

Встречал людей я на путях земных
И в меру добрых, и не в меру злых,
И оценить порою непредвзято
Поступков не могли они своих.

Судили ближних,
строгости полны,
И малой не прощали им вины,
А прегрешенья собственные в жизни
И ясным днем им были не видны.

И оттого мне грустно, что вокруг
Иных съедает зависть, как недуг,
И о себе кричат они тщеславно,
Хоть перед миром нет у них заслуг.

Встречались и такие, иногда,
Раскаянье которым,
вот беда,
Неведомо.

И лица их ни разу
Еще не пламенели от стыда.

Клубится часто напускной туман,
За словом лжец не станет лезть в карман,
Считает он, что ты баран

и слова

Тебе всучить старается обман.

Корысть свою,

вздувая пыль словес,

Возносит, как державный интерес.

Впадает перед святостью в измену

И подлеца возносит до небес.

Того могу простить я, кто в былых

Ошибках сам раскаялся своих,

В ком угрызенье совести сильнее

И сна и яви, и забот мирских.

Ума и чести люди мне милы

Чьи помыслы отважны и светлы.

Ценю людей, которые для мира

Творят добро, не требуя хвалы.

Я взял эти строчки обратно,
Увидя
Твой, в лучиках старости
Ласковый взгляд...
Да разве ты скажешь когда об обиде?!
Кавказские горы спокойно стоят...

УРУП

Опять года
Скользнули вниз, как слезы...
Листва
Щеки коснулась осторожно.
На берегу Урупа три березы
В глаза мне смотрят нежно и тревожно.

И в Медногорск опять приходит осень,
С деревьев
Листья желтые слетают.
И почему-то я волнуюсь очень,
Когда журчит Уруп. Когда светает.

И теплый, словно руки мамы, ветер
Мое лицо,
И даже плечи гладит.
И старых сосен голубые ветви
Качаются,
Мне прямо в сердце глядя.

Я так спешил к тебе, Уруп бурливый,
К родной станции в Горном Карачае.
Где ласточки,
Как годы торопливы,
И девушки,
Как солнце величавы.

Здесь в каждом доме —
Мир добра и света.
Крупны и ярки над станицей звезды.
И сердце здесь
Теплом любви согрето,
Настоем горных трав
Наполнен воздух.

Река бурлит на быстрых перекатах
Вскипают чувства горною лавиной...
Вот здесь тропа —
Она вела когда-то
К родному сердцу девушки любимой...

Я вновь стою
На той тропинке давней,
Она петляет, в светлой дымке тая.
Мой берег детства дорогой и дальний.
С деревьев листья желтые слетают.

* * *

Пью строки писем, как вино.
Твои слова уже не ранят.
В мое пустынное окно
Один лишь дождик барабанит.

Чернила выцвели, как кровь.

«...к чему звонить...»,

«...зачем встречаться...»

И так мне захотелось вновь
К тебе, как этот дождь стучаться!

Ты понимаешь ли, — к тебе,

Чтоб снова слышать: славный,

милый...

Чтоб ты была в моей судьбе,

Чтоб сердце с сердцем говорило.

Но дождь идет, плывет листва,

И мокнут черные газоны.

Пожалуй, ты была права,

Мечтать о счастье нет резона.

Прости,

Я — глупое сказал!

Что без тебя мне утро раннее?

Коль в сердце, как на склонах скал

Тверды пласты воспоминаний.

Не уничтожить их ничем,
Они во мне — окаменели!
Да, я бывал от счастья нем...
Да соловьи прекрасно пели...
Да, славны волосы твои..

Но дождь утих.
А мне не лучше,
Пусть, как сомнения мои
С ночных небес уходят тучи.

И если жизнь отдать в сражение
Не дрогнешь за отчизну ты
Твои вовеки не померкнут
Любви прекрасные черты.

И В МИРЕ КРАСОТЫ ПОДОБНОЙ НЕТ

... Люблю в сиянии предзакатном
Смотреть на юный город Теберду.
Бегут ручьи веселые по скатам,
Уходит день за горную гряду.

Люблю вдыхать сосновый дух и травный.
Торопят ввысь альпийские луга.
О, Теберда, тебе нет в мире равных,
Ты бесконечно сердцу дорога.

Устало меркнет пламя предзаката,
Уходит день, прощальный близок час.
Я здесь любимой девушке когда-то
«Люблю тебя» — промолвил в первый раз.

А недалёко дремлет Минги-Тау*
В своей извечной, снежной белизне.
Ей снится степь и снятся птичьи стаи,
Зеленый клен, зацветший по весне.

---

* Минги-Тау (с карач.) - Эльбрус

Любимый край, он красотой отмечен.
Он столько раз поэтами воспет.
Встает над Тебердой весенний вечер
И в мире красоты подобной нет...

Отеческому языку,
Цветку,
    что вырос на скале,
Салам всем людям на Земле.

***

Все леди смертны — так устроен свет,
Бессмертной плоти на планете нет, —
Зато бессмертно олово,

коль оно

На свет высоким духом рождено.

Заведено любому искони:

“Не в сундуке богатство ты храни,
А в доблести и в славе, и в любви,
И после смерти в подвиге живи!”

Из всех богатств обязан человек
Копить богатство духа целый век,
Хоть зло в подлунном царствии старо
В такой же древней мере, как добро,

Но вечно в мире добрые дела
Торжествовали над деяньем зла.
Бесплодна зависть. Из её семян
Рождаются не розы, а бурьян.

Бесплодна глупость, как бесплодна тьма
Но плодоносит ясный свет ума.
Дар истинный всегда исполнен чар,
И освящен добром прекрасный дар.

И наша жизнь, хоть слишком коротка,
Она способна озарять века.
Со смертью рядом мы живём всегда,
Но светит нам заветная звезда.

Она зовет поступки совершать,
В которые вчеканится печать
Добра и блага.

Пусть нам сквозь года
Призывно светит вечности звезда.

Умершие не воскресают,
но

Жить в памяти достойным суждено.
И жизнь свою пожертвовал бы я,
Когда б вернуть смог из небытия
Хоть одного,

кто тем лишь знаменит,
Что славы был достоин, но забыт.

При свете дня и при ночной луне
Вдвойне тот счастлив на земных просторах,
Кто вдруг увидел женских глаз на дне
Свое лицо, как будто в двух озерах...

* * *

Мой дом,
Ты дорог сердцу бесконечно.
Дым из печи
Приносит запах детства...
Мне б только
В этой жизни быстротечно
У очага родного обогреться.
Ты помнишь, как заветно птицы пели,
И мама пела
Сладко и знакомо...
Ты помнишь,
Как лежал я в колыбели,
Смотрел в твои глаза родного дома.
Ты помнишь, как мальчишкой босоногим
Я в дверь твою
Стрелой влетал, бывало,
И мать, меня увидев на пороге,
Гырджин* большой и теплый подавала.
Я с детства помню
Нежный вкус гырджина
И мамы взгляд — и ласковый, и строгий.
Не знал я,
Что меня — родного сына
Из дома уведут мои дороги.

---

* Гырджин (с карач.) – лепешка.

Мой дом родной —
Моей души богатство.
Рожденная в отцовском доме песня
Живет во мне
И гордостью и честью,
Живет любовью к людям,
Чувством братства.

ДАСТАРХАН

Великий смысл в коротком слове этом,
Что не сотрется в памяти моей.
Быть может и не надо быть поэтом,
Чтоб оценить красу души людей.

Казаху и узбеку, и киргизу
Его природа щедрая дала.
То слово служит пропуском и визой
На праздник, полный света и тепла.

Я в кишлаках сидел у дастархана,
С дружками ел и бешбармак, и плов.
Казашки руки добрые порхали
И согревали маминым теплом.

О, дастархан! Веков выдавший много.
Дух наших предков бережно храня,
Ты проложил из прошлого дорогу
И добротой сердец разишь меня.

Мечты о прошлом Азии наваяв,
С годами ты не таешь, словно дым.
Ты с каждым днем становишься новее
И новым людям так необходим.

И стар, и млад тобой довольны нынче,
Гостеприимства дар любому дан.
Ты нам, как воздух, дорог и привычен.
Ты, словно жизнь, бессмертен, дастархан.

Не оставляй меня на полпути,
О молодость — рассветная зарница,
Не отблеск твой
В душе твоей нести,
Чтоб озарять угаснувшие лица.

На полпути
Меня не оставляй,
Пускай во мне
С неистовством приборя
Любовь к отчизне
Плещет через край,
Любовь к земле,
Рожденная с тобою.

Не оставляй меня, я говорю...
В тот самый миг,
Когда дарю цветы я
Своей любимой,
Их не я дарю,
А ты ей приносишь,
Как впервые.

Меня не оставляй же одного,
Ты здесь, в горах,
Нужна мне, словно воздух,
Но ведь и ты
Без слова моего,
Не знаю я,
Подымешься ли к звездам.

В МОИХ ГЛАЗАХ – РОДНАЯ ТЕБЕРДА

Он — в каменных объятьях гор уснул —
Мой живописный маленький аул,
Мне дорог вкус и говорок воды
Прозрачной быстротечной Теберды.

Люблю аулов дикую красу.
— Сады и горы в сердце я несу!
Здесь хлынул первый свет в мои глаза.
Гудела над вершинами гроза.

Отсюда взял начало весь наш род.
Сквозь дебри лет к свободе шел народ.
Какое горе он на своих плечах
Вынес и окреп,
но не зачах!

— Я всё узнал ...
И в сердце сохранил
Кипучих игр далекий детский пыл,
Здесь мой отец
(добрейший из мужчин)
По-горски говорить меня учил.

Я помню, как по-детски был я рад
Гвоздикам, источавшим аромат.
И наблюдал подолгу, не дыша —
Как над вершинами орлы кружат.

Я всей душой люблю тебя аул.
И колыбелью с детских лет зову
Какие б я ни встретил города
В моих глазах — родная Теберда!

МУССЕ БАТЧАЕВУ

Опять в горах
Я развожу костры,
Чтоб пламя взмыло
Взмахивая гривой,
К твоей звезде
Над выступами гор,
К звезде вечерней,
Для тебя счастливой.
И я услышу
Сквозь остуду верст,
Как ты шепнешь
Горячими губами
Слова напева,
Взятые у звезд,
Озвученные волнами

Кубани.

Аул Кумыш,
Взлетевший, как орел,
Высоко в небо
Над скалой отвесной —
Не просто песней
В сердце он вошел,
А сам он стал
Твоею лучшей песней.

***

Как горный рассвет весной
Уста твои свежи.
Цветком долины какой
Назвать тебя, скажи?

Кто видел тебя хоть раз —
Позабудет покой.
Как щедро тебя Кавказ
Одарил красотой.

Как первый подснежник ты
И нежна, и скромна.
Прекрасны твои мечты,
И душа ясна.

Улыбка твоя светлей
Солнца и луны.
Джигиты округи всей
В тебя влюблены.

И солнечный наш Домбай,
И Эльбрус седой
Твоей горды красотой.
Дочь земли родной.

ЛЮБОВЬ ЧАБАНА

Летят к тебе вновь мои мысли,
Я вижу:

аулом с утра

Идешь ты и на коромысле
Прносишь два полных ведра.

И ветер, сорвавшись с вершины,
Льнет к шале твоей, что бела.
И шаг твой, как лет лебединый,
Заплечно вздымает крыла.

И горы повиты туманом,
Пасу я отару, чабан.
Веденьем самым желанным
Ты мне предстаешь сквозь туман.

И в чайанье с горного склона
Земною рукою любви,
Как будто с небесного лона
Ласкаю я косы твои.

В прозрачном ключе под горою
Мерцающий отсвет возник,
Как будто вечерней порою
Мне ясный твой видится лик.

Гремит ли гроза, набегая,
Гляжу ли как пляшет костер,
Тебя я забыть, дорогая,
И в снах не могу среди гор.

НЕ ПЕЧАЛЬСЯ

На лице ни смеха, ни печали,
Лишь одни сплетения морщин.
Белизной метели увенчали
Волосы не знавшие седин.

Увенчали ранние, до срока,
И ссутулил спину горя гнет.
Вот она с рассветом, одиноко
На могилы братские идет.

— Отзовитесь, где вы мои дети? -
Ждет ответа, но ответа нет.
Только шепчет что-то горный ветер,
Только разгорается рассвет.

— Не печалься, амма* - тихий голос
Вдруг промолвил.

— сын ваш мирно спит —

Оглянулась, тонкий, словно колос.
Незнакомый юноша стоит.

— Сын ваш защитил свой край родимый.
Здесь они, — в могиле братской рядом спят.
Карачая сын — ваш сын любимый
— И черкес, и русский, и бурят.

---

* Амма (с карачаевского) — бабушка

Мы их внуки...
Будем вас лелеять.
И беречь, как ласковую мать, —
И глаза у женщины светлеют,
Только боль привычная опять
Сердце наболевшее тревожит,
Не дает свободно ей дышать.

СЛЫШУ ГОЛОС КИРГИЗА В ТИШИНЕ

Я пришел с величавых Кавказских гор,
После долгой разлуки пришел к тебе,
О, Киргизия! — Чистый святой простор...
Твои горы остались в моей судьбе.

Я принес тебе скромный кавказский дар —
Снегов Эльбруса тревожный блеск,
Салам Карачая, сердца жар,
Песни горцев, улыбки невест.

Я принес в ладонях тебе тепло
Моего Кавказа, моей земли...
Много вод по реке Нарын утекло
С тех пор, как дороги к тебе пролегли.

Киргизия! Солнечный, светлый край,
Я помню, я слышу твой чистый звук,
На струнах седых водопадов играй
И пой мне, как мать или давний друг.

Я слышу голос Манаса в тиши,
И реки, и горы о нем поют,
Я трогаю пальцами пики вершин,
Они, как братья, рядом встают.

Я слышу твой голос, Киргиз, мой брат,
В горах и в долинах, у бурных рек.
Мне близок язык твой, и я тебе рад,
Ты добрый и близкий мне человек.

Я вижу Ала-Тао встает ото сна,
Рассветный луч скользит по троне,
Я слышу утренний бег табуна, —
Все это было в моей судьбе!

И отважный чабан, чья душа чиста,
И походка легка, и бела голова,
И мысли его манит высота
Он щедрые скажет всегда слова.

Киргизия! Я на земле твоей
Этим теплым и добрым солнечным днем,
И колосья пшеницы, и лица людей
Мне близки, как в родном Карачае моем.

Кареглазой Киргизии мой поклон —
Многоцветная, солнечная земля!
Я слышу арыков певучий звон,
Сердцу запала Иссык-Куля заря.

Мне крепок кумыса хмель и вкус,
Я целую руки твоих матерей,
О Киргизия!
Сердцем тебе поклонюсь, —
И мудрости, и доброте твоей.

Я слышу голос Манаса в тиши,
И смех детей слышится мне...
Я трогаю пальцами пики вершин
И слушаю песню гор в тишине.

ДЕХКАНИН

Дехканин
Нежно тронул грудь земли
Широкою ладонью,
Над полями
Сегодня звонко плачут журавли,
Размахивая длинными крылами.
На крыльях утренней зари весна
Пришла на это хлопковое поле,
И хлынул птичий гомон на приволье.
И жизнью зазвенела тишина.
Смотрю я на узбека-старика,
Он эту землю чувствует и слышит,
Его ладонь безмерно широка,
Его душа родной землею дышит.
И в нем самом —
Душа родной земли.
Земля парит сегодня легким паром,
Сегодня звонко плачут журавли,
Сегодня солнце дышит первым жаром.
Как нежно почву тронула рука,
И на лице разгладились морщины...
Передо мною
Смуглый лик мужчины,
Работавшего на полях века,
Тяжелый труд и древняя земля.
И перевозданный, белоснежный хлопок,

Здесь было все:
Коней тяжелый топот
И всадники, сжигавшие поля
И в рабство уводившие дехкан
Во славу чьей-то власти и короны,
Но никогда он не был покоренным,
Священный древний край Узбекистан.
Старик рукой дотронулся земли,
И это было, словно откровенье...
Ко мне пришло живое вдохновенье,
Как будто к сердцу нити пролегли.
Я ощутил смятение в душе,
Рожденное узбекскою весною,
Она, едва лишь встретившись со мною,
Огнем любви в меня вошла уже.
Я понял оживание земли,
Всем сердцем ощутил ее томленье,
Почувствовал души своей стремленье
За горизонт, синеющий вдали.
Я видел строгий профиль старика,
Почтенного узбека-аксакала,
И солнышко весны меня ласкало
И улыбалось мне издалека.
Старик-дехканин, мудрый друг земли,
Веками пот
С его лица стекает,
Его по зову сердца окликают
Летающие над полем журавли.

И МИГ РОЖДЕНЬЯ БЕЛОЙ НОЧИ ЖДУ

Стою один на берегу Невы
И миг рожденья белой ночи жду.
И мысли рвутся прочь из головы
На счастье мне, а может, на беду.

В моей душе рождаются слова,
Трепещут где-то в самой глубине...
Величественна и светла Нева,
Она в лицо прохладой дышит мне.

И белой ночи чистое крыло,
Я вижу, вдруг касается меня,
И в небе, и на сердце так светло,
И я стою, торжественность храня.

Небесный свет, вливаясь в сердце мне,
Земные чувства порождает вдруг,
И песни волн я слышу в тишине,
Я слышу звон листвы и сердца стук.

И корабли в далекие моря
С собой уносят белой ночи свет,
И он сияет, призрачно горя,
Просвечивая через толщу лет.

Весь город молчалив, как пьедестал,
В сиянии невидимых лучей
Великий Ленин жил здесь и мечтал,
И думал в белом сумраке ночей.

Немало в жизни видел я дорог,
Иных ночей немало повидал,
И тех, чей звездный небосвод высок,
Чей лунный свет всю землю пропитал.

Но эта ночь на севере была
Неповторима. Я узнал с тех пор:
В далеком Ленинграде ночь бела,
Как снег вершин моих Кавказских гор.

СКАЖИ МНЕ СКОЛЬКО ПРОЛЕТЕЛО...

Наш год рожденья грозовой
И даты горем перечеркнуты.
Нет, мы не помним неба черного,
Фугасок сброшенных войной.

Мы были дети.
Наши матери,
Нас согревая на груди,
Тепло сердец до капли
тратили,

В годы пожаров и руин.
Мечтать ли мог я подрастая
О беспредельной синеве,
Что блещет в реках Карачая,
О горных тропах, верных мне.
Скажи мне сколько пролетело
Труда и счастья полных лет?
Иду вперед по жизни смело
Мой дом согрет,
В нем смех и свет.

БЕРЕГ ЛЮБВИ

Дороги друг на друга так похожи,
Как горным эхом два рожденных звука...
И степь на степь всегда похожа тоже,
И мы с тобой похожи друг на друга.

Весна сменяет зиму.
Мир светлеет.
Лишь раз в году весна приходит в сердце.
Щебечут птицы. Листья зеленеют.
Душа весной умеет отогреться.

Когда ж ко мне любовь придет с весной?
А ветры друг на друга так похожи...
Они свистят и мчатся надо мною.
И на гору гора похожи тоже.

И перевал на перевал походит.
И склон на склон — отвесный и покатый...
И две вершины при любой погоде
Похожи, словно два родные брата.

И люди, будто прежде не родные.
Бывают так похожи друг на друга,
Как два крыла, как берега речные,
Как те две песни, что поет разлука.

Два берега друг друга повторяют,
И мы в любви друг друга повторяем.
Река сияньем берег озаряет,
И мы сердца любовью озаряем

Не знаю, что мне суждено судьбой —
Изменчивой, суровой, многоликой...
Но так хочу я, чтоб мы шли с тобою
По берегу моей любви великой.

***

Сковал мороз лицо и руки,

Метели песни завели.

А я согрет:

И всё-таки тепла в разлуке.

От сердца к сердцу нить любви.

* * *

Не твоей красотой я горжусь,
Перед ней головы не склоню,
Твоей светлой душе поклонюсь,
Человечность безмерно ценю.

Миниатюры

* * *

В начале был я посохом слепых,
В начале был я голосом немых,
И получил не потому ли право
Я говорить от имени других?..

* * *

По случайности глупой погиб человек
“Так угодно судьбе”, —
произносит сочувственно кто-то.
Так угодно?.. Во имя какого расчета?
Ради цели какой? Я понять не сумею вовек.

***

Однажды из клетки грудной
Ты вырвешься, сердце шальное,
Но долго гулять под луной
Не сможешь — ведь ты не стальное.

И взмолишься:

“Не обессудь!”, —

Тая еще свежую рану.

И я, распахнув тебе грудь,

Корить и гневиться не стану.

* * *

Родился человек. И умер человек. ||
И жизнь его оценят всю до года ||
Тем, что сумел он совершить за век ||
Меж датами прихода и ухода. ||

* * *

«Сердце мое, если ты обладало бы властью,
Чтобы ты сделало:

мне откровенье яви?»

«Всем, кто несчастен,

я путь указало бы к

счастью,

Всех примирило и всех призвало бы к любви!»

* * *

Мой Карачай, кричать на целый свет
Мне о любви к тебе, пожалуй, смысла нет,
Тот, кто меня прочтет, хоть невзначай,
Поймет, как мной любим ты, Карачай!

* * *

На всех пирах почетным тамадой
Он был и перед праздною ордой
Выслушивал похвальные слова,
От них его кружилась голова.
Но вскоре изменились времена,
И стал он закатившейся звездой,
Но всякий раз, войдя в объятья сна,
Себя, как прежде, видит тамадой.

***

Во мне одно рождается желанье,
Когда чужое вижу я страданье,
Его скорей утешить, утолить,
А если не поможет — разделить.

***

Как скакуна, чужую ты строку
Угнал, но помни — неизбежна кара:
Горяч скакун и на скаку башку
Сломаешь ты — ездок, лишенный дара.

* * *

Куда б душа не ринулась моя,
Ты ей и днем и в звездный час сопутствуй,
О чем стихи не сочинял бы я,
Любимая, ты в них всегда присутствуй.

* * *

Ты молча глядишь мне в глаза,
В них все мои мысли читая.
День ясный ты мой
и гроза,
И птиц, судьбоносная стая.

* * *

Закатное солнце я вижу в окне,
И думаю снова о завтрашнем дне:
Кого я оставил на житнице лет
И кто же за мною шагает вослед?

***

В каждом походе быть должен привал.

Сижу, отдыхаю,

гудят мои ноги.

И мочи нет двинуться, так я устал.

А думы еще пребывают в дороге.

* * *

Был сорванцом я в пору детских лет,
Но маму успокаивал сосед:
«Вот подрастет и поумнеет разом»,
Но в юности, как прежде, я проказам
Всласть предавался.

И пророчил дед:
«Остепенится с истеченьем лет», —
И вправду стал с годами я иным,
Но завистью пылаю к молодым.

* * *

«Пожелай, сорву звезду для тебя с небес ночных».
Как-то раз в пылу любви я беспечно произнес.
Улыбнулась грустно ты и сказала:

«Мой жених,

Лучше ты меня люби, чтоб вовек не знала слез».

* * *

О, родина моя, когда смогу
Воспеть тебя, как ни один поэт,
Знай, все равно останусь я в долгу
Перед тобой, единственный мой свет!

* * *

В трудах о нынешнем ты позаботься дне,
И приложить уменье будь любезен,
Чтобы поднялся завтра он в цене
И этим стал вдвойне тебе полезен.

* * *

В тщеславье река захлестнув берега,
Напрасно лишь трагила силу.
И собственной алчности жадный слуга
Не взял ни копейки в могилу.

***

Тебе помочь старался я, как другу,
Стараясь оказать всегда услугу
Твоей заботе,

но в недобрый час,
Когда я сам нуждаться стал в подмоге,
Ты на моем не возникал пороге,
А мимо шел, не поднимая глаз.

* * *

Известно людям юным и бывалым,
Что мнений двух увенчан ты венцом:
Подлец тебя считает честным малым,
А честный малый — сущим подлецом.

* * *

«Швырнувшему камень в тебя, человек,
Боль пересилив, подай ты чурек». —
Так карачаевцы встарь говорили,
Может быть, предки умнее нас были?

* * *

Друг к другу, ближе берегов Кубани,
С тобою молча в голубом тумане
Проходим мы.

Ах, если б под луной
Возник бы мостик меж тобой и мной!

* * *

Так учкуланцы, небо их храни,
Валяют бурки, мастерством прославясь,
Как прадеды валяли искони,
И здравствует искусство их, не старясь.

* * *

Кормилица земля, тебя беречь все люди
Обязаны,

но в гневе вижу я:

Всадить ножи в твои стремятся груди.

Как нелюди, иные сыновья.

* * *

«Об отчизне ты спой на родном языке
Перед чистой луной и кремнистой дорогой».
И сказал он:

«Ты старую рану не трогай», —
И запел не по-горски в душевной тоске.

* * *

Ты говоришь: «Все знаю о тебе».
Идя за мною тенью вороватой,
Но кто ты есть, я знаю — соглядатай,
Познав тебя по этой вот «ходьбе».

***

В твоём обличье не найти изъяна,
Стройна, красива... Только вот беда
Душа твоя — гнездовия обмана,
И ложь в устах не ведает стыда.

* * *

Слова любую одолеют даль,
Они всечасно ходят по планете.
От них исходит радость и печаль
Для одного иль двух, иль всех на свете.

ПОКЛОНИСЬ ЗЕМЛЕ ГОР

Низкие тяжелые тучи неудержимо тянулись вдоль Джамагатского ущелья, выползали на Теберду, заслоняя гребни гор, окутывая густой мглой снежные вершины Домбая, погружая притихшие аулы в серый густой полумрак. Уже четвертый день шел дождь. Аул Верхняя Теберда умолк и затаился в ожидании беды.

Азрет сидел в сакле с двумя такими же маленькими сестренками, когда они услышали во дворе выстрелы и собачий лай, и тотчас выбежали из дома. В этот момент снова прогремела автоматная очередь, и крупный лохматый пес Самыр, верный друг и защитник ребятишек уткнулся полуоткрытой окровавленной пастью в мокрую траву двора и замер, предсмертно хрипя...

Дети не совсем поняли увиденное. Но им было ясно, что Самыр умер. Его убили эти двое чужих. И ребята испугались. Они вернулись в дом и забились в углах своей бедной сакли, судорожно сжавшись маленькими серыми комочками.

Фашисты вошли в дом. Два рослых горных егеря с засученными по локоть рукавами, с автоматами на шеях, свертывали одеяла и циновки, увязывали в узлы. Они грабили. По-хозяйски обстоятельно обирали они бедную саклю, оставляя малых детишек голыми в своем доме. Матери в сакле не было, и это оказалось немалой удачей. Ведь она могла попытаться воспрепятствовать грабителям, и тогда получила бы пулю.

*Работа в Государственной Думе.
А. Акбасов —
заместитель
Председателя
Комитета по
национальной
политике Государственной Думы
Первого Созыва*

Азрет на шаг отступил от стены, и немец отшвырнул его коленом, чтоб не путался под ногами. Мальчик больно ударился плечом об угол печи, но не заплакал. Ужас сдавливал ему горло. Он, совсем еще маленький человечек, уже начинал понимать происходящее...

В это же самое время, летом сорок второго, вчерашний курсант пехотного училища Миша Давыдов полз, пробираясь через проволочные заграждения. То и дело вспыхивали ракеты, озаряя передний край, недавно пролегшую передовую линию, здесь, подо Ржевом. Сегодня к утру полку надо было идти на прорыв, и разведчики обследовали оборону противника. Этот молодой разведчик еще не был знаком с маленьким Азретом из горного карачаевского селения, они оба еще не знали о существовании друг друга. Пути их пересекутся позже. Волею судьбы, волею великой войны. Волею многих людей, жестоких и черствых, милосердных и чутких к чужому горю...

Давыдов полз, время от времени замирая, дожидаясь товарищей, чутко вслушиваясь и взглядываясь в озаренную

вспышками полумглы переднего края. Их было трое. Необходимо было в ближайшие два-три часа засечь на порученном им участке огневые точки немцев. Тут их две или три. Хорошо замаскированные пулеметные гнезда, их надо обнаружить быстро, чтобы до рассвета, до начала прорыва командиры учли эти опорные пункты врага при разработке операции, при определении бросков рот и взводов полка. Миша обернулся, сзади подполз командир — сержант и третий разведчик. Внезапно все трое прижались к земле: из немецкой траншеи выскочил высокий солдат с карабином в руке и, пригибаясь, двинулся вдоль траншеи, спускаясь с бруствера. Быстрым привычным движением Давыдов выдернул нож...

Работа в Государственной Думе. И. Рыбкин, А. Акбаев.

Жаркими были эти дни и на другом краю войны, на изрытом воронками волжском берегу. Жаркими от палящего летнего солнца и от бесчисленных остервенелых атак гитлеровцев. Черный дым обволакивал разбитые дома Сталинграда, обожженный берег, помутневшую от беды воду великой реки.

Командир стрелковой роты, совсем юный высокий и худощавый старший лейтенант с по-детски пухлыми губами и смуглым от загара лицом, молниеносно вспрыгнул на траншейный бруствер, взмахнул автоматом ППС, как сигнальным флажком, в сторону немцев и хриплым, грубым голосом, совсем не соответствующим его полумальчишеской внешности, жестко и отрывисто крикнул:

— Вперед, ребята! За мной!

Выгоревшие гимнастерки, винтовки со штыками наперевес, дым, низко стелющийся по изуродованной снарядами и минами земле, гулкая дробь немецкого станкового "шпандау", русское "ура", резкое, злое, захлебывающееся и несмолкающее — рота шла в контратаку...

И в эту минуту, внезапно выронив винтовку, упал лицом на обожженную солнцем и огнем землю черноволосый и коренастый горец. В его мозгу в мгновение пронеслись видения родного аула в далеком Горном Карачае и последний день, когда его срочно вызвали в военкомат, когда жена с детьми была на пастбище в горах, и он не успел даже повидаться со своими, не успел в последний раз обнять своих детей. Солдат-горец попытался приподняться, оперся локтем о землю, но земля закачалась под ним, черная мгла стала напозать на глаза, заслоняя белый день, и он уро-

нил голову, вытянул руки, обнимающие родную землю, и замер. Это был отец маленького Азрета из Верхней Теберды Алий Акбаев.

...Огромная бело-голубоватая луна озаряла бескрайнее хлопковое поле. Белеющие высокие скирды хлопка, словно напугавшись лунным светом, излучали голубоватое сияние, делая ночь загадочной, обещающей что-то необычное, новое и удивительное утомленным за день ребятам. Они сидели вокруг своего учителя, глаза их светились взволнованностью их сердец, словно зажженные лучами, доверчиво смотрели на учителя, который ровным спокойным голосом читал им книгу — повесть Арсеньева “Дерсу Узала”. Михаил Семенович Давыдов вел в школе военное дело и физкультуру. Он любил ребят, всегда был рядом с ними и свою привязанность, любовь к книгам сумел передать ребятам. Вечерами и ночами при ярком свете крупной степной луны, при тревожном и загадочном мерцании звезд, густо усеявших небо Южного Казахстана, учитель читал ребятам любимые свои книги. Перед взорами богатого детского воображения вставали далекие моря, быстрые и легкие парусные корабли, древние цари и пираты прошлого. И старый, мудрый охотник с чистой душой и добрым сердцем, по-своему почтительно называющий тигра “амба”, одушевляющий каждого зверя и птицу, каждое растение. Пожалуй, с тех самых пор, с давних ночных книжных чтений в лунной степи у этих ребят, в сердцах будущих сынов и дочерей своей земли зародилась и разрослась любовь к земле, ко всему живому на ней, сердечная привязанность ко всему доброму и человеческому.

Азрет тосковал по горам, как только может, тосковать горец. Он дружил со всеми ребятами, убирал хлопок, старательно учился. Но не забыл, не мог забыть всего, что было.

Красная Армия выбила немцев из Тебердинского ущелья в январе сорок третьего. Их сбросили с гор, как сбрасывает мглу новое утро. Как тогда радовался родной аул Верхняя Теберда этому освобождению! Но недолгой была радость для маленького Азрета. Письмо-похоронка с фронта об отце пришло в начале лета, а через несколько месяцев, в ноябре, настал для семьи Акбаевых тот самый день, горький и черный, который был черным для всего карачаевского народа.

Погода стояла сухая и пасмурная. На сборы дали

Работа в Государственной Думе. С. Бабуриш, А. Акбаев.

только два часа. Мать горько плакала, торопливо собирая в дальнюю неведомую дорогу шестерых своих детей. Два солдата стояли на пороге сакли. Наши, советские солдаты...

— Давайте, не задерживайтесь! — Строго сказал один.

— Помолчи, — одернул его молодой лейтенант, — не видишь, дети совсем маленькие. Соберите побольше еды, мать, дорога очень длинная. — посоветовал он несчастной горянке.

— За что же это нам, за что, сынки?.. — Всхлипывая спрашивала она, одевая детей, — знает ли об этом наш дорогой Сталин?..

Солдаты не ответили ей, лейтенант молча отвернулся. Наверно и у него было человеческое сердце.

Азрет, несмотря на свой возраст, хорошо запомнил все, что было в дороге. Она показалась ему бесконечно длинной. Сначала тряский путь в грузовике до станции, потом унылые и голодные товарные вагоны, недолгие остановки в голой степи. Ему запомнилось, как снимали из вагона молодую красавицу — горянку и седого аксакала. Они умерли ночью. Девушка всю ночь разговаривала в бреду, в горячке, Азрет просыпался и слышал ее стоны и слова сквозь гул и перестук колес, она лежала неподалеку от него. Он плакал, когда утром выносили ее тело. Она была красива, и ему было очень жаль ее и того седого аксакала. Но мальчик плакал украдкой и старался незаметно вытирать слезы — ведь горец, джигит не должен плакать, никто не должен видеть его слез... Умерших некогда было закапывать, и их забросали степной травой и колючками, наскоро собранными побли-

зости. Эшелон ушел. И еще было немало таких остановок на длинной дороге, в тысячи и тысячи километров, и немало эшелонов прошло по степи, увозя детей, матерей, стариков. И мало кто знает, сколько осталось их в степи, безымянных придорожных могил, наскоро сложенных из степных колючек...

Сначала Азрет с семьей жил в Келесском районе, в селе Джолбасшы, и в памяти навсегда остались быстрые казахские кони, терпеливые и мудрые учителя Зулнаш и Копджашар, друзья — сверстники Шасида и Макамбай... И потом уже здесь, в селе Сарагач, труженики степи, хлопковых полей, тоже были очень отзывчивы к чужой беде. Когда маленький горец болел тогда тяжело и опасно, его спасал аксакал Садык. Старый ка-

Работа в Государственной Думе. Г. Зюганов, А. Акбаев.

зах поил мальчика травяными отварами, кобыльим и верблюжьим молоком, просиживал ночи у его изголовья в своей старой и обветренной юрте. И потом всегда долго со спокойной полуулыбкой смотрел он вслед своему коню или верблюду, на котором скакал по степи спасенный им от гибели черноглазый мальчик.

После долгих ночных чтений на лунном хлопковом поле Азрет очень привязался к учителю. Бывший фронтовик, разведчик, перенесший тяжелые ранения, много переживший, всю свою любовь к жизни отдавал детям, своим ученикам. И они чувствовали это. Дети очень тонко воспринимают отношение к себе, они очень чутки к доброте и к черствости тоже. И они платили Михаилу Семеновичу тем же самым — доверием, теплотой, привязанностью. И ему тоже это было нужно. Нелегко было ему. Еще тогда, сразу же после войны, в 1947 — 48 годах, он лежал в госпитале, в тяжелом состоянии из-за последствия военных ранений, многократно терял сознание, испытывал невыносимые боли. С тех пор многое изменилось, ему стало лучше, но он оставался инвалидом второй группы. И тогда он стал упорно заниматься спортом. Ежедневно до часу до двух часов ночи он работал в спортзале. Сначала со страховкой с ремнями, а потом и без ремней делал перевороты, подъемы на перекладине и брусьях, прыжки через козла. Это был поистине титанический труд. Каждый раз после уроков, после грудного дня. И еще в то время Давыдов занимался в республиканском Казахском Дворце пионеров у знаменитого американского боксера Сиднея Джексона, который тогда попросив политического убежища, жил в Советском Союзе.

И вот через годы упорных, изнурительных тренировок болезнь отступила.

— Примерно через три года прыгуны уже отошли в прошлое. — рассказывал Михаил Семенович, — появилась сила, ловкость, спортивная закалка, которую я уже мог передавать ребятам... Начиная с 1954 года, я организовал секцию бокса при детдоме, а позже мои воспитанники: Арынов, Макулбеков, Гаталов стали призерами и чемпионами области по боксу. Тут пригодилась наука о мастерстве, переданная мне Сиднеем Джексонем. Теперь можно сказать, что я почти сорок лет жизни отдал спорту, десять последних лет — директор спортивной школы имени прославленного борца казахского народа Хаджимукона Монатпасова, который был учеником самого Ивана Поддубного.

Работа в Государственной Думе. И. Кобзон, А. Акбаев.

...Теперь они были рядом: ученик Акбаев и учитель-Давыдов. Карачаевец и русский на земле Казахстана, которая приютила их, стала для них родным домом, добрым и приветным.

Азрет перечитывал все эти книги, с которыми знакомил его учитель, Азрет скакал по степи на казахских конях, принимал в свое сердце доброту бескрайней степной земли.

«...Но детство мое, начало начал,
Я в вольных казахских степях встречал,
И солнцем наполнены те года,
Я помню степь в предрассветной тиши, —
Память о детстве всегда светла...
Я помню росы степей, камыши,
И алые маки моей души —
Мне их казахская степь дала.
Я помню запах полыни, туман,
Вершин Ала-Тау седой окоем
И топот коней, и летящий аркан,
И алые маки твои, Казахстан,
Всегда пылают в сердце моем».

Напишет впоследствии поэт А.Акбаев.

Ветер степи был теплым. Он приносил кружащие голову, неповторимые запахи трав, дух степной воли, простора. И это радовало горского мальчика. Но в душе его всегда продолжали жить горы. Так уж устроена душа человеческая. Она иногда болит, когда земля, родившая эту душу, находится вдали. Он хорошо помнил слова своей матери: “Если доведется тебе, сынок, вернуться в горный Карачай, поклонись земле наших гор...”

Ему все чаще стал сниться беркут над родным ущельем. Он просыпался, и орел исчезал. Но едва он засыпал, как гордая птица снова парила в его сне над крутыми изломами заснеженных вершин Кавказа.

Прошли годы. Давно уже нет на свете матери — вечной труженицы — горянки, вырастившей в тяжких условиях шестерых детей. Великая Родина, наконец-то, назвала вещи своими именами. И преступлением названо то, что и было преступлением. Это самое — переселение народов. Карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши и другие народы вернулись на свои исконно-исторические земли.

Бывший странствующий по земле мальчик Азрег стал известным писателем и журналистом. Он автор многих поэтических книг, писатель, ученый, юрист, академик, депутат высшего парламента РФ первого созыва, Заслуженный Деятель Искусств Российской Федерации. Он и поныне переносывается со своими друзьями из далекого Казахстана, с учителем Давыдовым, со многими другими людьми.

Над седым двуглавым Эльбрусом в горах Карачая парит орел. В Карачаевском крае тихо. Но неподалеку, у других горцев, братьев, порою звучат выстрелы, отдающиеся болью в сердцах людей. А маленькие горцы, карачаевские мальчишки, видят могучего орла над родными ущельями. И дай Бог, чтобы в их сердцах не было огня и грохота взрывов. А только мирный и вольный горный орел. Над мирным и вольным Горным Карачаем.

В. Потиевский

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о поэте <i>Расул Гамзатов</i>	3
---	---

СТИХИ. ПОЭМЫ

Баллада о Минги-Тау. <i>Перевод В.Потиевского</i>	9
Живу одной мечтой. <i>Перевод Г.Фатеева</i>	12
Рождение. <i>Перевод В.Потиевского</i>	14
Есть слово доброе – Салам. <i>Перевод А. Борисовой</i>	16
Дерево Волгограда. <i>Перевод Я. Козловского</i>	17
Грузии. <i>Перевод Я.Козловского</i>	20
Я тоже – России частица. <i>Перевод Г.Фатеева</i>	21
Сосед. <i>Перевод М. Тарбеева</i>	29
Тепло женских глаз. <i>Перевод Г.Фатеева</i>	31
Вечное эхо (следы отца). <i>Перевод А.Лысова</i>	33
Мой милый край. <i>Перевод Я.Козловского</i>	39
Баллада о горском коне. <i>Перевод В.Потиевского</i> .	41
Сорок душ. <i>Перевод Я.Козловского</i>	47
Расстрелянные зори. <i>Перевод Г.Фатеева</i>	49
По русскому полю шагаю. <i>Перевод Я.Козловского</i>	59
Сыбызгы. <i>Перевод Я.Козловского</i>	66
У солнца нет иной заботы. <i>Перевод Я.Козловского</i>	67
Мне пришлось сто тревог . <i>Перевод В.Яковлева</i> .	69
Горянке. <i>Перевод В.Яковлева</i>	71

Куда снежите, горные потоки?	
<i>Перевод В.Яковлева</i>	72
Река жизни (поэма). <i>Перевод В.Потиевского</i>	74
Элия (поэма). <i>Перевод В.Потиевского</i>	91
Сосна голубой стороны.	
<i>Перевод Я.Козловского</i>	108
Похожи волны друг на друга.	
<i>Перевод Я.Козловского</i>	114
“Опять бела от снега грудь земли...”	
<i>Перевод Я.Козловского</i>	115
Тишина и ребенок. <i>Перевод Я.Козловского</i>	116
На берегу Кубани. <i>Перевод Я.Козловского</i>	117
Последнее дыханье. <i>Перевод Я.Козловского</i>	119
О жизнь. <i>Перевод Я.Козловского</i>	121
Милая, молно я: приходи. <i>Перевод Я.Козловского</i>	123
Первый луч. <i>Перевод Я.Козловского</i>	124
Сходство. <i>Перевод Я.Козловского</i>	125
Придя на свиданье. <i>Перевод Я.Козловского</i>	127
“Барабанит дождь вешней поры...”	
<i>Перевод Я.Козловского</i>	128
Мужчины волн не дают словам	
<i>Перевод В.Яковлева</i>	129
Куда бы судьба меня не вела.	
<i>Перевод Я.Козловского</i>	131
Память. <i>Перевод В.Потиевского</i>	133
Зима в Домбае. <i>Перевод Я. Козловского</i>	135
Бабушкин завет. <i>Перевод В.Яковлева</i>	137
Горы Балкарни. <i>Перевод Я.Козловского</i>	140
“Возле синего окна...”. <i>Перевод Я.Козловского</i>	142

Я навстречу ветке погянусь.	
<i>Перевод Я. Козловского</i>	143
Лунные руки. <i>Перевод Я. Козловского</i>	144
“Помню в огчей стороне...”.	
<i>Перевод Я. Козловского</i>	146
Весна в горах. <i>Перевод Я. Козловского</i>	147
“Всеи известно: ты сплетен ловец...”.	
<i>Перевод Я. Козловского</i>	148
Ищу тебя. <i>Перевод Я. Козловского</i>	149
Я вижу планету. <i>Перевод В. Потиевского</i>	150
Люблю седой аул на взгорье.	
<i>Перевод В. Потиевского</i>	152
Первый снег. <i>Перевод Я. Козловского</i>	153
Хоть ты уехала. <i>Перевод Я. Козловского</i>	154
Баллада у вечного огня. <i>Перевод автора</i>	155
“Едва глаза раскрою на рассвете...”.	
<i>Перевод автора</i>	157
“Пришел ко мне приятель за советом...”.	
<i>Перевод автора</i>	158
Живу, как предки, у Эльбрус – горы.	
<i>Перевод Я. Козловского</i>	159
Я слышу песню Софии Ротару.	
<i>Перевод В. Потиевского</i>	161
Горный свет. <i>Перевод В. Потиевского</i>	163
Колыбельная. <i>Перевод В. Потиевского</i>	165
Королевы Карачая. <i>Перевод Я. Козловского</i>	167
Когда глаза теплом горят.	
<i>Перевод Я. Козловского</i>	169
В моих стихах секрета нет. <i>Перевод Г. Фатеева</i>	170

Материнский сон. <i>Перевод Г. Фатеева</i>	171
Течет река Гидам-суу. <i>Перевод В. Яковлева</i>	172
“И снова утро золотое...”	
<i>Перевод В. Яковлева</i>	174
“Спасибо, речка голубая...”	
<i>Перевод Я. Козловского</i>	175
Жизнь моя беспокойна, как море.	
<i>Перевод В. Потиевского</i>	176
На земле казахов. <i>Перевод В. Потиевского</i>	178
Розе Рымбаевой. <i>Перевод В. Потиевского</i>	180
“Горит заря...” <i>Перевод В. Потиевского</i>	182
В этом мире только ты. <i>Перевод В. Потиевского</i>	183
Не уплывай луна за скалы.	
<i>Перевод автора</i>	184
Танец любви. <i>Перевод В. Слядневой</i>	186
Мотивы детства не забыть. <i>Перевод А. Борисовой</i>	188
За теплое слово в начале пути.	
<i>Перевод А. Борисовой</i>	190
И тогда поздравить поспешим.	
<i>Перевод Г. Фатеева</i>	192
Встречал людей я на путях земных.	
<i>Перевод Я. Козловского</i>	194
Спешил я к тебе со своею бедою.	
<i>Перевод Я. Козловского</i>	196
Уруп. <i>Перевод В. Потиевского</i>	198
“Пью строки писем, как вино...”.	
<i>Перевод В. Яковлева</i>	200
Любви прекрасные черты.	
<i>Перевод Я. Козловского</i>	202

И в мире красоты подобной нет .	
<i>Перевод А. Борисовой</i>	204
Салам всем людям на земле.	
<i>Перевод Я. Козловского</i>	206
“Когда произношу я: “Карачай!...”	
<i>Перевод Я. Козловского</i>	208
“Все люди смертны — так устроен свет”	
<i>Перевод Я. Козловского</i>	211
Ах, женский взгляд, исполненный любви.	
<i>Перевод Я. Козловского</i>	213
“Мой дом...”. <i>Перевод В. Потиевского</i>	215
Дастархан. <i>Перевод Г. Фатеева</i>	217
“Не оставляй меня на полпути...”.	
<i>Перевод Г. Фатеева</i>	219
В моих глазах — родная Теберда	
<i>Перевод Г. Фатеева</i>	221
Муссе Батчаеву “Костер”.	
<i>Перевод В. Потиевского</i>	223
“Как горный рассвет весной...”.	
<i>Перевод Г. Фатеева</i>	225
Любовь чабана. <i>Перевод Я. Козловского</i>	227
Не печалься. <i>Перевод А. Борисовой</i>	229
Слышу голос киргиза в тишине.	
<i>Перевод В. Потиевского</i>	231
Дехканин. <i>Перевод В. Потиевского</i>	234
И миг рождения белой ночи жду.	
<i>Перевод В. Потиевского</i>	236
Скажи мне сколько пролетело.	
<i>Перевод А. Борисовой</i>	238

Берег любви. Перевод В.Потиевского	239
“Сковал мороз лицо и руки...”.	
Перевод Я.Козловского	241
“Не твоей красотой я горжусь...”.	
Перевод Я.Козловского	242
МИНИАТЮРЫ. Перевод Я.Козловского	243
Поклонись земле гор (очерк-послесловие).	
В.Потиевский	274

Азрет Акбасв

ЭЛИЯ

(молния)

Стихи

Формат 70x90_{1/32}. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Перешлет № 7. Тираж 700 экз.
Заказ № 1812.
Издательство «Барс». Лицензия № 060356
Москва

Отпечатано в ГП типография
им. П. Ф. Анохина
ул. «Правды», 4.